
Елена Артемова
КАРАУЛ !
ЯГА СБЕЖАЛА !
18+

Елена Артёмова

Караул! Яга сбежала!

https://litres.ru/74719994
SelfPub; 2026

Аннотация

Я, Ярослава, обыкновенная современная девушка и не подозревала, что можно так попастьМало того, что я проснулась в чужой постели, так еще и выясняется, что рядом храпит Кощей бессмертный, а я теперь И.О. бабы Яги. В моем, точнее, в ее доме на курьих ножках хозяйничает ворчливый домовой, местный княжич посматривает на меня с мужским интересом. А Елена премудрая и Василиса прекрасная не могут поделить жениха и требуют моей помощи обе разом. А мне? А мне домой надо, некогда с вами здесь Вот только сейчас русалку спасу, спорщиц замуж пристрою и сразу назад. Ах да, самая малость, я же каждое утро просыпаюсь рядом с Кощеем, где бы я ни уснула накануне — с этим тоже надо что-то делать. А то я так и назад передумаю...

Друзья, возрастной ценз книги не подразумевает жарких объятий, существует множество ситуаций, которые обязывают ставить 18 +.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	82
Глава 10	91
Глава 11	103
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Елена Артёмова
Караул! Яга сбежала!

Пролог

Над ведьмовским котлом клубился пар, по ночной поляне растекался едкий запах травяного зелья. Яга, помешивая посохом варево, удовлетворенно кивнула:

— Получилось. Теперь остался последний шаг — и здравствуй, свобода.

Тысячи лет провела она, первая красавица Дивногорья, заточенная в это ненавистное дряхлое старушечье тело. А всему виной одна единственная ошибка: надо было сразу сказать «Нет!». Но она пожалела влюбленного молодого княжича Кощея и взяла время на раздумья. Знала, что в ночь на Купалу уйдет в мир Нави просить силы у Чернобога. Мечта у Ядвиги была давняя: стать самой сильной ведуньей на свете. Вот и решилась она на отчаянный шаг, не подумала, что княжич отправится ее вызволять. Потому как, чтобы силу обрести, надобно в услужении срок большой провести. Сильно прогневался Чернобог и покарал обоих. Ядвиге силы дал да молодость забрал, на веки вечные оставив древней старухой. А Кощея, раз так радеет за смертных, привратником мира Нави и Яви поставил, наказав ему стеречь покой богов, что-

бы не шастали тут все, кому ни попадя. А коли проберется кто, тот навсегда рассудка лишится. И суждено бродить ему до конца жизни по чаще лесной, пока зверь дикий не разорвет на куски. Только Яга станет проводником между мирами и сможет провести человека. А чтобы не казалось, что Кощей легко отделался, лик свой человеческий в землях людских он потерял навсегда. Стал чудовищем страшным, ни одна девица не полюбит нечисть такую. Лишь в мире Нави он, как и прежде, княжич молодой. Да только не больно девицы на тот берег реки Смородины ходят, уж слишком дурная слава о тех местах.

Бабка положила посох на траву и достала из кармана мошну. Да только не монеты звонкие, а травы особые хранила там ведьма. Цены нет тому, что внутри: редкая травка, вырастает она на Голом камне раз в тысячу лет. Горецветом зовется, потому как от любого горя помогает, способна исполнить самое заветное желание. Страстно желала Яга в другой мир отправиться и врата открыть, вот только на ее место нужна замена. И она, кажется, уже нашлась.

Пыль травы взметнулась над зельем и плавно пустилась в котел, окрашивая его содержимое в молочный цвет. Забурлило, закипело внутри, и повалил густой туман из котла, окутывая поляну.

Где-то рядом закашлялся домовой Митрофанушка, наблюдавший за стараниями Яги. Он не верил в то, что на этот раз все получится. Сколько их было, попыток-то? Яга и сама

сбилась со счету. Но в этот раз все будет иначе. Она разорвет связь с мирами, уйдет и вернет свою молодость. Привяжет к Кощею другую деву, пусть она займет ее место навечно.

Старуха попятилась от котла, шепча слова заклинания:

Нашу связь долой,
Мир иной открой,
Туманом путь укажи,
Навсегда привяжи.
Солнца луч над землей,
Расстояние долой,
Только вместе заря,
Ты забудь про меня.

А затем побрела в самую чащу в полной уверенности, что, когда туман рассеется, она увидит чужой мир. Повинуясь легкому взмаху руки старухи, с крыльца спикировала ступа и поплыла за своей хозяйкой.

— Всегда так, — ворчал домовой, приводя поляну в порядок, — Бабка мусорит, а я прибираю. Ни стыда ни совести. А может, оно и к лучшему, что она сгинет?

Произнеся это, он опасливо оглянулся. А вдруг Яга рядом и все слышит. Характер у нее вздорный, рука тяжелая. Чем только не был бит Митрофанушка, от веника до чугунка, всем доставалось за годы службы.

— Наварила-то, наварила, — сливая в канаву вонючую зеленую жижу, бормотал он, — Теперь тут ни одна былинка не вырастет. Вот вернется Яга, все выскажу.

Хорохорился Митрофанушка, хотя прекрасно знал, что никогда на то не решится.

Глава 1

Темная и тихая майская ночь. Ощущение безмятежности, спокойствия и… возбуждения? Потому что кто-то беспардонно поглаживает мне живот, лежа за моей спиной. Хорошо так поглаживает, со знанием дела, обостряя у моего тела инстинкт размножения.

Я поерзала ягодицами и ощутила, что намерения соседа полностью совпадают с моими желаниями. Вторая рука наглеца легла на грудь, намекая на то, что останавливаться он не собирается. Скорее даже наоборот.

В моей постели так вести себя мог только мой жених, Ванька, больше некому. Но вот только есть одна проблемка: вчера вечером я застала его с подругой в весьма щекотливой ситуации.

Я потрясла головой, сбрасывая остатки сна, и попыталась отодвинуться. Какого, спрашивается, хрена он приперся? Мало вчера досталось?

— Убирайся к черту! — уперевшись ногами в стену, я спихнула изменника на пол.

— Кикимора, спятила совсем? — услышала я возмущенный, а главное, абсолютно незнакомый голос из-за кровати. — Ты сама вчера пришла.

— Кикимора? Кикимору, Ванечка, ты вчера лапал! — припомнила я ему Ирку, все еще продолжая считать, что ря-

дом мой жених.

— Ванечка? — прорычал, поднимаясь из-за кровати, совершенно неизвестный мне мужчина.

В темноте рассмотреть его было сложно. Угадывались лишь очертания фигуры, красивой, явно натренированной. И то, что это не мой козел-бывший, стало ясно как божий день. А еще то, что его назвали чужим именем, мужчине явно не понравилось. Но оно-то и понятно, кому понравится такое после ночи любви? Вот только у меня с ним ничего не было, так ведь?

На какой-то миг я поймала себя на мысли, что залюбовалась широкоплечим красавцем. Пока он не выпрямился полностью. Ведь из одежды на нем было… Ничего на нем не было. Я поспешила отвернуться, чтобы не пялиться на то, что оказалось на уровне моих глаз. Он же в свою очередь тоже рассматривал меня. Осознав сей факт, я приподняла простыню, прикрывающую мое тело, и обнаружила, что, собственно, моя одежда немногим отличается от его наряда.

Это что получается, я вчера приперлась к незнакомому мужику отомстить Ивану за измену? И у нас все-таки что-то было? Я совсем ку-ку? И где я такого красавца нашла-то? А главное, он-то во мне что нашел? Внешность у меня самая обычная, ничего особо выдающегося ни спереди, ни сзади. Росту тоже метр с кепкой в прыжке. Единственное, чем я могла гордиться — это ярко-зеленые глаза и темно-рыжие длинные волосы; моей толстой косе завидовали все подруж-

ки. Так что зацепить такого мужика модельной внешности шансов у меня, казалось, ровно ноль. И вообще, откуда он взялся в лесу? Я же вчера, как лось, через лес чесала, не разбирая дороги.

— Ты кто? — выдали мы одновременно.

— Яга, — почему-то назвалась я детским прозвищем, хотя сейчас в мои двадцать три уже мало кто меня так звал.

— Кощей, — так же одновременно со мной представился мужчина.

От неожиданности я отпустила прикрывающую мою наготу простыню, и та предательски поползла вниз. Еле успела я ее перехватить и натянуть обратно.

— Хор-р-рошенькая, — раздался странный скрипучий голос.

Мы оба повернулись на звук. На изголовье кровати сидела огромная черная птица.

— Сгинь! — махнул на нее Кощей.

Но птица, увернувшись от его движения, продолжила:

— Ср-р-работало! — порадовался птиц, похожий на ворона. — Добр-р-ро пожаловать!

Я икнула от неожиданности, потому что птиц склонил голову в знак приветствия.

— Здрасьте, — машинально ответила я пернатому. — Пожалуй, я пойду.

Прикрываясь простыней, я поднялась с кровати и принялась осматриваться на предмет одежды, раскиданной в пы-

лу страсти. Но не обнаружила вокруг ничего похожего ни на мои джинсы, ни на футболку, да черт возьми, даже трусов не было! Вот как мне голышом домой идти?

Интересно, а далеко ли вообще меня угораздило забраться? Судя по обстановке, дом деревенский. Спальня, если быть более точным в определении этого помещения. Стены из тесаного бревна, деревянная мебель: кровать, небольшой столик у окна, пара стульев. Длинная скамья вдоль стены напротив, на которой аккуратной стопкой лежала мужская одежда, а рядом стояли огромного размера черные сапоги.

Давай, Славка, вспоминай, куда вчера рванула на ночь глядя. В голове со скрипом ворочались шестеренки, подкидывая картинки вчерашнего вечера. Вот я убегаю из домика на краю поселка, где в неприличной позе сплелись два близких мне человека — Ванька и Ирка. Бегу, но из-за слез не разбираю куда. На смену широкой дороге пришла лесная тропинка. Уже смеркается, но мне все равно. Внутри горит огонь, который не дает остановиться ни на секунду. Хочу бежать. Бежать как можно дальше. В ушах до сих пор звенит от их стонов и вздохов…

— Прочь, прочь, — пытаюсь отогнать от себя отвратительную картинку, что преследует меня.

Странно, но в голове всплыли совершенно незнакомые мне строчки, и я словно под гипнозом повторила:

«Нашу связь долой,

Мир иной открой,

Туманом путь укажи,

Навсегда привяжи.
Солнца луч над землей,

Расстояние долой,

Только вместе заря,

Ты забудь про меня».

Бормоча по кругу странные слова, я бежала куда угодно, хоть к черту на рога. Лишь бы не слышать, забыть измену, выжечь ее из своего сердца.

Отметив, что вокруг густой туман и уже не видно дороги, я остановилась, пытаясь отдышаться. Дыхание сбилось, каждый шаг отдавался болью в груди. Пора тормозить. Как мне вернуться назад? Вдалеке, из-за тумана, показались очертания домика. Надо спросить дорогу у его обитателей.

Это все, что мне вспомнилось о вчерашнем вечере, точнее ночи. Так вот, значит, чей это домик. Что ж, через лес я, пожалуй, и в простыне дойду до поселка. Эх, отдохнули с друзьями. Плохая была идея — на майские на природу рвануть. А все Ирка: «Поехали ко мне, историческую родину вам покажу. У нас красиво, речка, лес…»

К черту. Сейчас до дома дойду, вещи соберу — и на электричку, в город.

Задрав подбородок повыше, я обернула вокруг груди белую простынь и пошлепала босыми ногами в полной тишине на выход.

— Пр-р-ровожу, — сорвался со своего места ворон в распахнутое окно.

Я шла по дому, отмечая, что здесь весьма уютно, хоть и странно. Такое впечатление, что я оказалась в музее славянской культуры. Все деревянное, никаких намеков на современность: лавки, столы, печь вон даже огромная с лежанкой, ведра с водой, коромысло в углу. Скатерти с весьма интересным орнаментом. Колоритно, что тут еще скажешь.

Улица встретила прохладой. Начало мая всегда такое: днем жара, ночью и морозец может пройтись. Но мне повезло: по ощущениям градусов десять, не меньше. По траве стелился туман, скрывая сочную зелень от глаз. Что поделать, надо идти. Я спустилась по ступенькам высокого крыльца, обернулась и замерла от красоты: это не дом, это сказочный терем какой-то. Бревенчатый сруб в два этажа, черепичная крыша, окна с резными ставнями, высокое крыльцо с десятком ступеней и причудливой формы балясинами. И ни разу не похоже на ту развалюху, на которую я наткнулась в тумане. Спишем на то, что в темноте я не рассмотрела домик как следует.

— Нр-р-равится? — поинтересовался ворон, появивший-

ся так внезапно, что я подпрыгнула на месте.

— Фу ты, черт, напугал! — возмутилась я его карканью.

Птицу это не смутило. Он приземлился на траву возле моих ног и важно зашагал впереди, приговаривая:

— Пр-р-ровожу. Заплутаешь.

— Вот за это спасибо! — от души поблагодарила я пернатого. — Дорогу назад я не помню.

Шагая за провожатым, я осматривала пейзаж вокруг. За теремом назвавшегося Кощеем мужчины… Надо же — Кощеем. Я мысленно усмехнулась такому совпадению. Каких только прозвищ в детстве не дают. Я вот Ягой была, а этого Кощеем дразнили. Тощий, поди, был. Так вот, за его домом сплошной стеной возвышались ели, у крылечка лужайка зеленая, за ней речушка с горбатым мосточком. А на том берегу лесок начинается, березовый. И деревца словно в парке ровными рядами стоят. Чудно.

Тропинка петляла между деревьями, хотя могла бы и ровнехонько идти. Птиц вышагивал вперед, молча указывая дорогу.

— Далеко еще? — поинтересовалась я минут через пятнадцать.

— Пр-р-ришли, — прокаркал он. — Там за овр-р-рагом.

Странно, но я не припомню оврагов. Пока пыталась еще раз восстановить в памяти вчерашний забег, не заметила, как мы спустились вниз. В тот самый овраг, про который говорил ворон. Мы остановились.

— Пр-р-ришли, — развернулся ко мне пернатый. — Пр-р-рошу, — крылом махнул он на стоявшую безо всякого фундамента на земле избушку, смутно похожую на ту, в которую я вчера ночью входила.

— Не-не-не, — запротестовала я, — мне домой надо, понимаешь? В поселок.

Но птиц резко оттолкнулся от земли и, взмахнув крылом, принялся набирать высоту.

— Да твою ж мать, а? — в сердцах выругалась я. — Только ты, Славка, можешь из одной задницы в еще большую угодить. Вот что это за избушка? — я рассматривала домик, в котором не было ни намека на дверь.

— Избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом! — сама не понимая зачем, попросила я и чуть не уронила челюсть на землю от удивления.

Избушка поднялась. Внизу у нее оказались две куриные ноги, точнее ножищи, потому что вес у домика явно был немаленький. Со скрипом развернулась избушка на сто восемьдесят градусов и опустилась обратно. Теперь вместо окна обнаружилась приветливо распахнутая для меня дверь.

Глава 2

Стоять в сырой траве оказалось неприятно. Ноги замерзли, а вместе с ними и все остальные части тела.

«Я только погреюсь, потом пойду искать дорогу в поселок, — успокаивала я себя мысленно. — И может, одеждой разживусь. Сжалятся люди добрые над несчастной».

— Хозяева? — я осторожно просунула голову в дверной проем. — Есть кто дома?

Никто не отозвался, и, осмелев, я вошла внутрь. Изба как изба, таких в небольшом поселке, где мы остановились у Ирки, было великое множество. Ну, если не брать в расчет ноги избушки. Хотя, может, мне показалось, и не было ничего?

Я осторожно осмотрелась. Пол из горбыля, длинный коридор, упирающийся в перекошенную дверь с огромным амбарным замком. У левой стены — высокий сундук с пыльной крышкой, у правой — лавка с ведрами воды да еще одна дверь, чуть приличнее по виду, чем первая запертая.

Я зачерпнула двумя руками воду из ведра и жадными глотками проглотила кристальную жидкость. Сладкая, невероятная, в городе такой не найти. Словно родниковая водица. Хотя почему «словно»? Возможно, так оно и есть, колодца во дворе я не приметила. Не из речушки же?

— Явилась… — заворчал кто-то, явно обращаясь ко мне.

Но как ни крутила я головой, так никого и не увидела.

Зато со скрипом отворилась дверь рядом со мной, намекая, мол, проходи, раз пришла.

Помещение, в которое я попала, оказалось весьма просторным, разделенным на две части огромной выбеленной печкой. Вдоль нее был деревянный настил, приподнятый над полом. Я опустилась на него, рассматривая простую деревенскую обстановку. В дальнем углу стояла односпальная кровать, сколоченная из грубых досок и укрытая покрывалом с вышивкой в виде птиц с огненно-рыжим оперением. Башня из подушек в изголовье была накрыта тонким кружевным платком. В ногах кровати — стол с белоснежной скатертью и одинокий колченогий стул напротив. У противоположной стены возвышался массивный деревянный буфет с резными дверцами. Два окна выходили на березовую рощу.

— Долго ты. Чай, заблудилась? — послышался тот же голос над головой, а затем, кряхтя, с печки спрыгнул бородатый мужичок в тулупе.

Роста в нем было мало, он едва доставал мне до колен. Я при своих ста шестидесяти пяти по сравнению с ним — великан.

Из-под его тулупа торчали ярко-красные штаны, заправленные в блестящие черные сапоги с высоким голенищем. Я удивленно засмотрелась: округлое лицо с маленькими зелеными глазками, раскрасневшиеся щеки и приплюснутый нос, каштановые волосы и длиннющая борода…

— Ооо, — не в силах вымолвить ничего другого, я невеж-

ливо пялилась на мужичка.

— Чего вылупилась, глупая девка? Али домового в первый раз видишь?

— П-п-почему в первый? — припомнила домовенка Кузю и Нафаню. — Знаю парочку.

— Ну так чего расселась тадысь? — несмотря на малый рост, он умудрялся смотреть на меня сверху вниз. — Изба не мыта, печь не топлена, Феофанушка не кормлен! — выкатил он мне претензии махом.

— Феофанушка — это кто? — приподняв одну бровь, поинтересовалась я.

Если хозяин избы, так я сейчас все быстренько узнаю, одежку выпрошу — и до свидания. Намеки на немытую избу мне сразу не понравились.

— Так я и есть Феофан, — подбоченился домовой. — Кто же еще-то? Ах, да, забыл, — он принялся похлопывать себя по карманам. — Да где же оно? — видимо, в какой-то момент нащупав искомое, он полез за пазуху. — Держи, — протянул мне сложенный в несколько раз пожелтевший лист. — Яга тебе передать просила.

Яга, домовой, Кощей… Что за бред? Я взяла в руки листок и пробежалась по строчкам:

Привет тебе, девица, от бабушки. От Яги, стало быть.

Принимай хозяйство мое, а тепереча, твое уже. Феофан покажет, что к чему. Ступу не ищи, забрала я. Новую у Кощея проси. Книги мои тебе оставляю, береги, чужим в руки

ни-ни! Баюна, коли придет, в шею гони. Дармоед бессовестный, второй месяц мне обещает жар-птицу принесть. Сметанки наел, задарма кормлю только. Лешего не бойся, он безобидный малый. Бестолковый, но безобидный. Кикиморы — девки хитрые, с ними в оба смотри. Русалки аки матрешки — расписные, но деревянные, толку нет от них.

Люд местный разный бывает: кто с уважением, кто трясется от страха. Но все приходят с поклонами. От даров не отказывайся — пригодятся. Травку не проворонь на зиму, начинай на Купалу заготавливать. Самый сок пойдет.

Не ищи меня, девонька, далеча я собираюсь. И зла не держи, авось приживешься тут.

Ядвига.

Я покрутила листок перед носом, а затем уставилась на Феофана, терпеливо ожидавшего, пока я прочту.

— Это что, шутка такая? Розыгрыш? — разум усиленно сопротивлялся, подсказывая, что на дворе двадцать первый век, какие русалки и лешие?

— Да… — вздохнул домовой. — Тяжело мне с тобой придется. Нет Яги, и от этой толку не будет, — он продолжал стоять напротив меня, скрестив руки на груди и сверля меня недовольным взглядом.

Я еще раз перечитала послание и грозно потребовала:

— А ну рассказывай, что происходит? Где я?

Можно сколько угодно отрицать, что происходит что-то странное, однако это ничего не изменит. Передо мной домо-

вой, я в избе на курьих ножках, а в руках письмо от Яги.

— Слушай, давай хоть поедим, а? Жрать охота, мочи нет, — почесал пузо Феофан.

Я даже спорить не стала. Во рту со вчерашнего вечера не было ни крошки, и завтрак пришелся бы очень кстати.

— Не возражаю, давай приготовлю? — предложила я, понимая, что из-за особенностей роста навряд ли он дотянется до стола.

— Обижаешь, — поцокал он языком. — Самобранка на что? Ну-ка.

Он подошел к стулу и, зацепившись за край, подтянулся на сиденье. А затем, ухватив скатерку за угол, шепнул что-то неразборчиво. На столе появились очертания глиняного горшочка, тарелок, стаканов, ложек и даже самовара с баранками. Аромат молочной каши поплыл по избе, заставив живот заурчать.

— Прошу к столу! — довольный проделанной работой, улыбнулся из-под бороды домовой.

— Как звать-то тебя? — утолив первый голод, поинтересовался Феофан.

— Яга.

— Как? — закашлялся домовой, подавившись пирожком.

— Ярослава я, Славка или Яга. Так с детства прозвали.

— Почему?

— «Р» я не выговаривала, Ягослава себя называла. Ну отсюда и пошло, — пояснила я свое детское прозвище.

Половина моих друзей не то что «Р», даже треть алфавита не произносили нормально, так что мое имя менялось до неузнаваемости. А «Яга» осилили все, и я смирилась. «Яга» звучало лучше, чем «Ягослава».

— Мда, — крякнул Феофан. — Совпаденьице, однако.

— Послушай, Феофан, мне бы переодеться во что.

Домовой окинул меня задумчивым взглядом, а потом произнес:

— В сенцах в сундуке посмотри, там должно быть чего. Бабке много несут в благодарность, она все туда складыват.

Только я поднялась со своего места и собралась пойти посмотреть себе подходящий наряд, как на улице раздалось:

— Избушка-избушка! Повернись ко мне передом, к лесу задом.

Изба принялась подниматься на ноги. Все вокруг задрожало, посуда на столе поползла на край, и я еле успела поймать тарелки, собравшиеся в полет.

— Вот чего тебе с другой стороны не подъехать, — заворчал Феофан, схватившись за стол в попытке не свалиться со стула. — Ходют и ходют. Житья от них нету.

— А кто это? — поинтересовалась я.

Из местных знаю только Кощея, ворона и Феофана. Но домовой тут со мной, голос на Кощея или птицы совсем не похож.

— Княжич местный, Иван, пожаловали, — представил мне домовой визитера. — Иди, открывай, он долго ждать не

любит.

Я прижала покрепче простыню и отправилась встречать гостей.

Глава 3

Я вышла на улицу и зажмурилась от слепящего солнца. Поднесла руки к лицу, прикрываясь от яркого света, но тут же резко опустила их, прижимая простыню, норовившую упасть к моим босым ногам.

— Чтоб тебя… — выругалась я почти шепотом, чтобы никто не услышал.

А слушать было кому. Прямо перед домиком стоял небольшой конный отряд, возглавляемый весьма симпатичным молодым человеком. Он выделялся на фоне своих товарищей, облаченных в серые мундиры, ярко-красным кафтаном. Длинные светлые волосы от быстрой езды разметались по плечам, пара прядей упала на лоб, и парень порывисто сдул их привычным движением. Тонкие черты лица подсказывали, что он явно не сельский труженик. Аристократия чистой воды: пухлые губы, прямой нос, зеленые глаза, обрамленные черными ресницами. Серый конь нетерпеливо бил копытом, а сам всадник с интересом осматривал мою скромную персону. Я иронично вскинула бровь при виде такой красоты на пороге.

— Здравствуй, красавица, — произнес парень. — Ягу кликни, скажи, княжич дожидается. По делу важному.

— Я пока вместо нее.

«Что я несу? — отругала себя мысленно. — Какая Яга?

Мне домой надо. А то, что бабка в письме написала, так то ещё сто раз проверить надо. Небось, наврала с три короба. Да и вообще разобраться надо, где я оказалась». Разум отказывался верить в то, что я в какой-то параллельной сказочной вселенной.

— Что ты несешь? — повторил мои мысли Феофан, морщась от моих слов. — Повторяй за мной: «Я теперь Яга, чего надобно? Говори и убирайся подобру-поздорову».

— Что, так и сказать? — засомневалась я в таком наставлении. — Княжич все-таки. Что значит «убирайся»?

— Так и скажи. Он к тебе пришел, не ты к нему. Здесь на болотах ты хозяйствуешь.

— Невежливо как-то.

— С кем ты там шепчешься, милая? — удивленно пытался рассмотреть моего собеседника княжич, но, судя по его растерянности, он домового не видел.

Так вот же, прямо передо мной стоит Феофанушка.

— Он меня не видит, — сжалился надо мной домовой. — И не слышит. Так что смело повторяй: «Проваливай отсюдова».

Да щаззз. Он насоветует, а мне прилетит? Да и потом, портить с первого дня пребывания отношения с местными властями — не комильфо. А ну как помощь его потребуется для возвращения?

Иван все еще ждал от меня ответа. Последний вопрос я проигнорировала, задав свой:

— Зачем пожаловал? Говори. Теперь я у вас за Ягу.

Пару минут Иван молчал, словно обдумывал, стоит ли мне сообщать, зачем он шел. А затем решился:

— Что ж, коли не шутишь, и правда теперь ты Яга, проводи меня за реку Смородину, до терема Кощеева. Разговор у меня к нему важный.

— А сам что? Через мост перейти не можешь? — удивилась я просьбе. — Чего проще-то? Ножками, то есть, на лошадке туда, потом оттуда.

Иван странно на меня посмотрел и усмехнулся:

— Странная ты девица. Вроде вместо Яги, а не знаешь ничего.

— Сведи, — кивнул домовой, разрешая. — Он без тебя оттуда не возвратится ни в жисть. Я тебе потом растолкую. Запомни только: как на мост ступишь, за руку крепко бери. Да покуда обратно не выведешь — не отпускай. Иначе сгинет он.

— Ладно-ладно, напустил жути. Свожу, мне нетрудно. Заодно простынку верну, — шепнула я Феофану, а потом погромче сообщила княжичу, — Обожди, милок. Тьфу ты, подожди, говорю. Переоденусь и прогуляемся.

Иван кивнул, принимая ответ, и, спрыгнув с коня, улегся на траву, приготовившись к ожиданию. А я вернулась в избу и направилась к сундуку с одеждой. Сдула пыль с крышки и откинула ее. Полнехонький оказался ларчик: ткани, ленты, платья, юбки, да только все размеры большие. Интересно,

как выглядела моя предшественница?

Ближе ко дну отыскалась рубаха белая да сарафан цветастый. Из обуви лапти нашла. На размер, правда, велики, но не босиком — и уже хорошо. Зеркала, как назло, в доме я не увидела. Зато на кухонном столе, у самовара, медное блюдо блестящее да яблочко на нем наливное. Недолго думая, схватила аппетитный фрукт и откусила большой кусок. А затем попыталась рассмотреть свое отражение в блестящей поверхности.

— Э-э-э! — опять заворчал Феофанушка. — Ты умом повредилась? А ну положь, что ты все в рот тащишь?!

— Все полезно, что в рот полезло, — огрызнулась я вредному домовому. — Пожалел яблочка, жадина. Да пожалуйста.

Наполовину съеденное яблоко перекочевало на стол.

— Сожрала, — заглянув на край стола, с сожалением констатировал Феофан и спрыгнул на пол, махнул рукой. — Пропадем с такой Ягой, как пить дать.

— Да что не так-то? — разделить его негодование я не могла, потому как не понимала, что ужасного произошло. — Яблок вон самобранка наделает, только попроси.

— Это особое яблочко из сада Василисы премудрой, для связи, не слыхала что ль?

Я отрицательно помотала головой.

— Из какой чащи лесной тебя бабка вытащила? — продолжая ворчать, Феофанушка печально побрел к печке и по-

лез на лежанку.

Сбоку я заметила лесенку как раз под его размерчик. Домовой устроился на краю и, свесив ноги, поболтал ими в воздухе.

— Красиво. Тебе идет, — похвалил он мой наряд. — Волосы в косу плети, растрепалась. Не дело это — девице незамужней в таком виде по улицам с молодцем показываться. Увидит кто, разговоров не оберешься.

— Да кто в лесу-то…

Но Феофан был непреклонен:

— Повяжи, сказал.

Пришлось из сундука прихватить ленту алую. Других среди десятка одинаковых найденных там просто не было. Заплела я свои длинные волосы в косу и, перекинув ее через плечо, отправилась к ожидавшему меня Ивану.

— Простынку не забудь, — напомнил мне домовой.

На улице с моего ухода ничего не изменилось. Ну разве что княжич на другой бок перевернулся, чтобы солнце глаза не слепило. Его свита все так же восседала на своих скакунах и со скучающими минами пялилась на двери. Мое появление вызвало оживление среди мужчин. Они рассматривали новое одеяние, одобрительно перешептываясь.

— Готова? — с прищуром поглядел на меня поднявшийся Иван, подошел к своему коню, легко запрыгнул в седло и удивленно посмотрел на крыльцо. — А ступа твоя где?

— Не обзавелась еще. А старая с прежней хозяйкой тю-

тю… — покрутила я в воздухе рукой, изображая полет сказочного транспортного средства. — Может, пешком?

А что, с вороном мы дошли, и с этим сможем. Но Иван скривился, мол, не царское это дело — ножками по лесу гулять. Или не княжеское, черт их разберет, не сильна я в местной иерархии. Иван вдруг похлопал по седлу впереди себя:

— Прокачу с ветерком!

Пока я соображала, куда можно послать его великосветскую персону так, чтобы без последствий для здоровья, этот нахал подъехал ближе, наклонился и, подхватив меня за талию, усадил перед собой. Подо мной огромная зверюга, недовольно фырча, затрясла своей гривой.

— Мамочки…

Конь сделал первый шаг, и, если бы не руки князя, что обхватили меня сзади, я бы свалилась на землю. А еще Ивана явно забавляла вся эта ситуация, потому что он, прижав меня покрепче, наклонился и шепнул:

— Не бойся, милая. Если что попало мне в руки, то я не упущу.

И непонятно про что: про то, что я все-таки не свалюсь или намек на нечто большее.

— Я тебе не милая, — огрызнулась я на его обращение.

Что за мода такая? Милая да милая. И вообще, где уважение к Яге? Хотя какая я Яга. Сейчас до Кощея смотаюсь, заодно узнаю, как мне вернуться. Ну не может не быть способа. И сразу домой, тут мне не место.

Иван больше не проронил ни слова. Мне тоже не очень хотелось вести с ним беседы. Да и пейзаж вокруг привлекал меня больше этого княжеского сноба.

На березках распускалась молодая листва, нежная салатовая травка пробивалась сквозь землю, полянки первоцветов радовали глаз. Заливисто щебетали птички, отогревшись после долгой зимы. Я с наслаждением вдохнула чистый воздух без примесей выхлопных газов. Какая красота: покой и умиротворение!

За любованием природой я не заметила, как мы подъехали к горбатому мостику через речушку с красивым названием Смородина. Первым с коня спрыгнул Иван и с усмешкой наблюдал за тем, что я буду делать. Просить его о помощи не хотелось, но и головой я понимала, что сама с этой зверюги не слезу. Вздохнула и, улегшись на коня грудью, обняла его за шею. Осторожно попыталась сползти на левый бок, но без должной сноровки получилось так себе. Я поняла, что падаю, и ухватиться мне, собственно, не за что. Слишком ровные и гладкие бока лошади мне не помогут.

— А-а-а! — заорала я с испугу и тут же была поймана Иваном. — Спасибо, — смутилась от его рук на талии. — Я уже твердо стою на ногах, и можно меня не держать.

Княжич опустил руки, медленно пройдясь по бедрам. Явно облапать стремился по максимуму. И взгляд такой хитрый, блуждающий по моему лицу. Ах, ты ж, блудень выискался.

— Зачем пожаловали? — прогрохотал знакомый мне голос Кощея с противоположного берега.

Я отскочила от своего спутника, словно нас застали за чем-то постыдным, и развернулась лицом к мосточку. Надо же хоть посмотреть, с кем ночь провела.

Хм, недурно, весьма недурно. Высок, широкоплеч, волосы черные. Цвет глаз с такого расстояния фиг рассмотришь. Нос прямой и недовольно сжатые тонкие губы. Весь в черном, как и положено злодею. Кощей стоял с идеально ровной спиной, засунув руки в карманы брюк и глядя на нашу парочку.

— Здравствуй, Кощей, — произнес Иван. — С просьбой, коли дозволишь.

Мне даже показалось, что голос дрогнул то ли от испуга, то ли от чего?

— Заходи, чего же не дозволить, — разрешил Кощей.

Иван протянул мне руку, ожидая, пока я возьму его за ладонь.

— Ой, погоди-ка! — я помчала к коню и вытащила из седельной сумки простынку. — Чуть не забыла.

И, памятуя наказ Феофана, крепко взяла за руку княжича и первая ступила на мостик. Иван замялся, занеся ногу над деревянным настилом, коротко выдохнул и опустил сапог. Чем дальше мы шли, тем заметнее волновался мой спутник. Он вцепился в мою ладонь слишком крепко, в какой-то момент я даже вскрикнула:

— Ай, больно же.

— Прости, — пробормотал он.

Стало его немного жаль. Может, он волнуется, что отпущу его руку. Я решила его успокоить:

— Не волнуйся ты так. Я помню: руку не выпущу.

Но Иван меня будто не слышал. Тяжело топая огромными сапожищами, он смотрел на Кощея, не отрывая взора, и с каждым шагом крепче стискивал мои пальцы. И лишь когда мы ступили на берег, немного ослабил хватку.

— Настоящая, не обманула. Яга, надо же, — хмыкнул он, мазнув по мне взглядом.

И мне ужасно интересно стало, как он это понял? Надо бы поспрашивать Феофана, уж у него-то точно есть ответы на все мои вопросы.

Кощей тем временем уже поднялся по ступеням своего терема и на правах хозяина разрешил:

— Проходи. Те, — добавил он после небольшой паузы, — В доме поговорим.

По тому, как спокойно себя чувствовал Иван, стало ясно, что он тут уже бывал раньше. Мы прошли по длинному коридору первого этажа и уперлись в массивную дверь, за которой располагался кабинет Кощея. Ну или как тут называется комната для деловых переговоров? Я рассмотрела добротный деревянный стол на гнутых ножках, стулья, хозяйское кресло и тканую дорожку до окна, выходившего на темный лес. Кощей занял свое место во главе стола, мы же усе-

лись по левую руку, и с разрешения хозяина Иван приступил к своей речи.

— Беда у меня приключилась, Кощей, помощь твоя нужна. Завелась у меня в тереме домовуха.

Мне было до жути интересно, кто такая домовуха. Но я терпеливо помалкивала, придерживаясь народной мудрости: промолчишь — за умного сойдешь.

— Давно? — нахмурил брови Кощей.

— Седьмицу уже живет. Всех девок дворовых распугала, ни одну на порог не пускает. То за косы оттаскает, то водицей студеной плеснет. А второго дня в ночи такой вой подняла, что окна дрожали.

— Только девок обижает? — усмехнулся Кощей каким-то своим выводам.

— Если бы! — печально вздохнул княжич. — Кафтан мой в лоскуты изрезала, сапоги в печь запрятала, новые, между прочим. Я домой зайти боюсь, какую каверзу еще придумает. Не откажи, помоги.

— Что ж, помочь-то можно… — Кощей сделал паузу, выжидательно поглядывая на просителя.

Иван понял его с полуслова, с полувзгляда.

— Не поскуплюсь, ты же знаешь. Награду проси любую. Исполню в точности, слово даю, — пообещал княжич, стаскивая свободной рукой с головы шапку и кидая на пол.

Видать, так у них тут слова подтверждать принято.

— Что ж, слову твоему верю. Завтра жди, избавлю от на-

пасти. А теперь ступай.

— Благодарствую, — поднялся Иван и отвесил поклон нечисти. — Идем, Яга. Возвращаться надобно. Закончил я.

— Не мне ли девица подарок несешь? — веселился Кощей, поглядывая на свою простыню, прижатую у меня локтем к боку.

— Ой, точно. На, — протянула ему белоснежную тряпку. — Мне чужого не надо.

Если Иван и был удивлен, то ничего не сказал. Лишь молча переводил взгляд с меня на Кощея и обратно.

Провожать нас до выхода никто не пошел. Но Иван прекрасно знал дорогу и вел меня за руку весьма быстрым шагом. Я же старалась шустрее перебирать конечностями, чтобы не выпустить его ладонь из своей. Мы почти бежали: коридор, крыльцо, мостик… На противоположном берегу он, наконец, отпустил меня и с облегчением выдохнул:

— Спасибо.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — почему-то огрызнулась я.

— Прости, я забыл совсем, — Иван подошел к коню и достал из седельной сумки небольшой предмет, завернутый в рогожку. — Плата за услугу.

Я протянула руку, забирая неизвестный мне предмет. С любопытством развернула «подарочную упаковку» и обнаружила маленькое зеркальце в серебристой оправе. И что? Это достойная плата Яге за работу? Я удивленно крутила

свой «гонорар».

— Ты мне бы еще бусики подарил, — фыркнула я недовольно.

— Не по нраву пришелся подарок мой? — удивленно вскинул брови Иван. — Такого на всем свете больше не сыскать.

Мне послышалась даже обида в голосе.

— Что ж в зеркальце необычного? Как по мне, так обыкновенное, ну разве что оправа красивая, тонкой работы.

— Волшебное зеркальце, — пояснил Иван. — Может совет полезный дать, может показать то, что далеко от тебя находится. А может и еще чего умеет, я пока сам не до конца разобрался.

— Надо же, — у меня почему-то совсем вылетело из головы, что я в волшебном мире, и предметы могут быть с подвохом. — Прости, не поняла сразу. Спасибо, — я сунула в карман плату.

Интересно, сюда меня подвез, а обратно как? Не пешком же, хотя… Я с сомнением покосилась на огромного коня, довольно фыркающего от ласки хозяина. Лучше я сама. Вот только беда — дороги я не знаю. Иван будто подслушал мои мысли, вскочил на коня, уже знакомым мне движением закинул меня перед собой и припустил в обратный путь.

Глава 4

Обратно долетели быстрее ветра. Иван осторожно ссадил меня с коня и, перед тем как уехать, поинтересовался:

— Придешь завтра с Кощеем? Ждать стану.

— Вряд ли, — совершенно честно ответила я ему. — Дело есть важное. И, если все получится, то уже и не свидимся.

— Жаль. Ну тогда сам приду! — он пришпорил коня и умчался, поднимая клубы пыли с дороги.

Его конный отряд рванул следом, пытаясь догнать своего предводителя, а я поплелась в домик, где меня дожидался Феофанушка.

— Ну, как все прошло? Зачем княжичу Кощей понадобился? — свесился с печки домовой.

— Ай, домовуха завелась, житья не дает. Кстати, кто это?

— Я — домовой, а ежели девка домовая, так она домовухой зовется, — закряхтел, сползая вниз, Феофан. — Рассказывай, — потребовал он, ухватив меня за подол сарафана.

И так крепенько ухватил, что я не смогла сдвинуться с места. Пришлось поведать, как все было.

— Дела… — протяжно произнёс домовой, почесывая бороду. — Видать, сильно девку обидели, раз лютует на новом месте.

Лично мне не было никакого дела ни до Ивана, ни до его безобразницы. Я мысленно составляла план побега: куда бе-

жать, куда податься, кого найти... Нет, не то, о чем вы подумали, а поспрашивать, как домой вернуться.

— Феофанушка, скажи, дружочек, кто из колдунов там местных или кудесников каких меня домой может отправить? — ласково поинтересовалась я.

Кроме уже увиденных мною Кощея и Ивана я никого не знаю. Да и они мне в этом деле не помощники. Значит, надо расширять круг знакомств.

— Ась? Чегось?

Феофан смерил меня странным взглядом, расшифровать который я не смогла. Этакая смесь раздражения и недовольства, но это не точно.

— Ах, домой… Так дома ты, девка, угомонись, свербигузка.

— Сам ты, Наташа, — надулась я. — Тоже мне, партизан. Не хочешь помогать — сама справлюсь, есть у меня подарочек.

Я вспомнила про зеркальце в кармане, извлекла его на свет и, усевшись за стол, положила перед собой.

Зеркальце как зеркальце, никакого волшебства пока не происходило. Я погладила свое отражение, и оно вдруг пошло рябью, а затем на меня уставилась незнакомка. С раскрытым ртом я рассматривала ту, что не стесняясь рассматривала меня в ответ: зеленоглазую женщину лет шестидесяти с округлым лицом и седой косой, уложенной вокруг головы. Ее идеально выщипанные темные брови приподнялись

в удивлении, а алые губы недовольно вытянулись в тонкую линию. Я явно не понравилась зеркальцу. Надо спасать ситуацию, вот только как?

— Здравствуйте… — нерешительно проблеяла я, решив сперва поздороваться.

— Ой, — удивленно воскликнуло зеркальце.

— Прекрасно выглядите, — произнесла я следом, решив, что ласковое слово и зеркальцу приятно.

И, видимо, угадала, потому что щеки дамы в отражении порозовели от удовольствия, а губы растянулись в улыбке.

— Ой, — уже довольно произнесла она.

— Меня Ярослава зовут, можно просто Слава или Яга. А вас как?

— Ну надо же! — дама поднесла руки к щекам и покачала головой. — Первая, кто спросил. Ларой кличут или хранительницей. А чаще просто — зеркало, — печально вздохнула она.

— Приятно познакомиться, Лара. Помощь мне нужна, совет мудрый.

— Спрашивай. Помогу, чем смогу.

— Мне надо домой попасть, в свой мир, понимаешь? — в ожидании ответа я подалась ближе к отражению, если можно так назвать то, что видела в зеркале. — Не местная я, помоги.

— Хм, — нахмурилась Лара, рассматривая меня, а затем ее взгляд переместился мне за спину. — Здравствуй, Феофан, — поздоровалась хранительница.

Обернувшись, заметила, что домовой стоит на лавке и активно жестикулирует зеркальцу. Намекая, мол, только ляпни — разобью нафиг.

— Не мешай! — я отодвинулась подальше от вредного духа и для верности взяла зеркальце в руки. — Поможешь?

— Так правду говорят, что Яга-то смогла, нашла способ и сбежала. А вместо нее теперь ты, значит, — Лара буравила меня своими острыми глазками, изучала, что-то прикидывала, а затем произнесла, — Как Яга сбежала — про то мне неведомо, скрытная бабка была. Знаю я один способ, но…

— Зеркальце, миленькое, родненькое! — я сложила руки домиком. — Помоги!

— Так-то ждать надобно, пока Купала наступит. Коли найдешь цветок папоротника, так любое желание исполнится.

— И когда у нас Купала? — поинтересовалась я у насупившегося Феофана, чуя подвох.

— Летом, — пробурчал он.

— Твою ж мать… — все, что смогла ответить я.

— Но… — обнадеживающе отмерило зеркальце, — Я б к Василисе посоветовала сходить. Она не зря премудрая, может, подскажет чего.

— Василиса, значит. А где искать-то ее? — изображение хранительницы пошло рябью, заставляя меня занервничать. — Эй, куда? Адрес! — я провела рукой по поверхности зеркала.

— Клубочек возьми, нить путеводная приведет, — произнесла напоследок Лара и отключилась, в смысле, зеркало вновь отражало мою физиономию.

— Сла-а-а-вочка, раскрасавица, яхонтовая моя, брульянтовая, зачем тебе к зазнайке идти? — принялся подлизываться Феофанушка.

С каждым словом он придвигался все ближе и ближе, пока не ухватил меня за локоток.

— Оставайся, смотри, красота-то вокруг какая! Болота, леса непролазные! Будем с тобой хозяйство вести. Сейчас солнышко пригреет, травка всякая нарастет, чаек ароматный с пирогами пить станем… — соблазнял меня перспективами домовой.

И я так живо вдруг себе все представила: и самовар, и пироги… Живот заурчал, напоминая о себе.

— Пироги. Точно, Феофанушка, накрывай на стол. Перекусим и в путь, — постучала я по самобранке рукой.

Повздыхав, домовой шепнул скатерке заказ, и на столе появились две тарелки, чугунок ароматных щей да пара ломтей черного хлеба.

— А ложки? — напомнила я. — Не через край же хлебать.

— На кухне возьмешь, неча волшебство переводить.

Феофанушка спрыгнул с лавки и поплелся к печке, ловко забрался на лежанку и закрыл за собой занавеску, отгораживаясь от меня. Все ясно, обиделся. Ну да, дело хозяйское. Я здесь задерживаться не собираюсь, мне домой надо. Отобе-

дав, я поблагодарила скатерть и попросила прибрать посуду. Вообще, не рассчитывала на то, что скатерть послушается, но тарелки и чугунок исчезли мгновенно.

— Вау, слушай, волшебная скатерть, а наколдуй для Феофанушки…

И тут я задумалась, чем бы побаловать обиженку? Занавеска колыхнулась, выдавая, что домовой прислушивается к моим словам.

— Подсластим пилюлю расставания? — шепнула я самобранке пожелание, и на столе появился торт «Птичье молоко».

Рядом я положила волшебное зеркальце. Вещь дорогая, пусть останется в родном мире. С собой его брать не стала.

Путеводный клубок обнаружился среди вещей в сундуке, там же, где я нашла свою обновку. Этакий навигатор на славянский манер работал очень просто. Стоило только кинуть его перед собой и произнести, куда мне нужно, клубок мохеровых ниток рванул по заданному маршруту. Только гляди, не отставай. Уже добежав до края леса, я вдруг обернулась на домик.

В лучах заходившего солнца он выглядел таким родным и уютным, что сердце сжалось от тоски. Странное иррациональное чувство. «Да еще и с Феофанушкой нехорошо получилось, — устыдилась я. — Но не оставаться же мне тут в самом деле?» И я поспешила за путеводной звездой, в смысле нитью, которая скрылась за мохнатой елью.

**

— Попрощалась она, — ворчал домовой, слезая с печки. — До завтрева, милая, до завтрева. Куда ты теперь от нас? Правильно, нашенская ты, смирись. Я же смирился с такой бестолковой… Ну-ка, чего ты там наколдовала? — запрыгнул на лавку к столу Феофанушка и уставился на диковинное угощение.

**

Солнце уже давно коснулось линии горизонта, а клубок все бежал и бежал вперед, не сбавляя темпа. Мои силы были на исходе, таких марафонских дистанций я не бегала никогда. Мы, люди двадцать первого века, избалованы прогрессом в виде такси, автобусов и метро. Наши ноги не приспособлены к таким нагрузкам. Интересно, какой километраж я набегала за сегодня? Ступни гудели, отказываясь идти дальше. Перспектива вырисовывалась так себе — ночевка в лесу. А ну как, волки или медведь? А еще змеюка может выскочить. Я поежилась от такой перспективы.

— Клубень, тормози, — потребовала я, и нить замерла на месте в ожидании дальнейших указаний. — Не могу больше, ночуем тут.

Я выискала глазами елку пораскидистее и забралась под нижние ветви, как в домик. Глаза сомкнулись сами собой, и я провалилась в сон.

Мне снился Кощей, точнее, мое утреннее пробуждение в его кровати. Что скрывать, он мужик видный, хоть и нечисть.

Тем более, что я так для себя и не поняла: было что али нет? Если нет, то даже жаль. Ну где я в нашем мире такого красавца найду? Не говоря уже о том, чтобы в постель затащить. Ну так вот, пробуждение было приятным от поглаживаний моего совершенно обнаженного живота. Тепло от ладоней расходилось приятными волнами по всему телу.

— М-м-м, как хорошо… — промурлыкала я, прижимаясь к крепкому мужскому телу спиной.

Реакция на мои действия была приятна, как и утром. Явно ощущалось твердое намерение в отношении продолжения банкета. Руки мужчины стали смелее, поднимаясь выше, сжимая грудь. На шее я ощутила горячее дыхание, а затем первый осторожный поцелуй коснулся плеча.

— М-м-м, — разомлев от ласки, я могла издавать только стоны или нечленораздельные звуки.

Резким движением Кощей развернул меня лицом к себе и шумно втянул носом воздух у виска. Мои руки потянулись к нему, обнимая за плечи. Раз уже мне снится сон, почему не воспользоваться моментом? Мои пальцы с его плеч скользнули ниже. Как он сложен! Как статуя древнегреческого бога, увиденная мною в музее. Сплошные мышцы, которых чертовски приятно касаться.

— Во сне ты мне нравишься больше… — шепнула, не открывая глаз.

Потянувшись за поцелуем, я услышала насмешливое:

— Ты считаешь, что это сон?

Мужская рука прошлась по линии спины, опустилась на мою ягодицу и… И я вдруг поняла, что это нифига не сон. Я опять в постели Кощея.

Глава 5

— Ты?! А ну, руки убрал, — зашипела я и попыталась отодвинуться.

Но не тут-то было. Хватка была железная.

— Как ты это сделал? Зачем?

Смесь стыда, желания, злости… Сложно сказать, чего из этих чувств было больше. А еще появился страх, потому что, как ни крути, Кощей сильнее. И вокруг на многие километры никого. Кричи, не кричи.

Не знаю, почувствовал ли Кощей резкую перемену в моем настроении или, может, у него проснулась совесть, но руки его разжались, отпуская на свободу. Я тут же замоталась в простыню, служившую ему одеялом. В ту самую, что вернула накануне. И, отодвинувшись на другой край огромной кровати, вновь задала свои вопросы:

— Зачем? Тебе скучно, и ты так развлекаешься?

— Поверь, мне тоже пока непонятно, что происходит, — Кощей улегся на спину, закинув руки за голову. — Думал, твоя ворожба.

Я с сомнением покосилась на того, кто парой минут ранее беззастенчиво облапал меня с превеликим, по-моему, удовольствием. «Обоюдным», — ехидно подсказал мне мой внутренний голос.

— Больно надо, — буркнула я себе под нос.

Пришлось тряхнуть волосами, отгоняя видение того самого процесса. Копна густых медных волос разметалась по плечам, пара прядей свалилась на лоб, и я сдула ее привычным движением.

— А где мои вещи? — наконец поинтересовалась я. — Спать ложилась одетая. У меня с собой еще клубок путеводный был.

— Про то мне неведомо, — Кощей перекатился на бок и подпер голову рукой. — Ну раз уж ты все равно тут, пойдем завтракать? В прошлый-то раз я даже предложить не успел. Ты сбежала.

— Кофе есть? — поинтересовалась я. — Без него мне жизнь по утрам не мила. В смысле, ничего в рот не лезет.

— Попробуем, — загадочно пообещал Кощей, поднимаясь с постели.

— И одежку? — поднялась я вслед за ним, завернувшись в простыню. — Мне еще домой возвращаться. Да и босиком не хотелось бы, — продемонстрировала босую ногу, от чего простыня разошлась, показав чуть больше, чем я планировала.

Кощей залип, проскользив взглядом от кончиков пальцев до линии бедра и обратно, и пошел на второй круг.

— Кофе! — напомнила я об обещании, но ногу убирать не спешила.

Непонятно почему, но такая реакция очень льстила. «Дура, надо было делать вид, что спишь дальше, — отругала я

себя. — Глядишь, и было бы потом, что вспомнить».

— Ах, да, — очнулся Кощей и, не стесняясь того, что вообще-то совсем не одет, развернулся и отправился к выходу. — Здесь дожидайся, найду тебе одежу.

С моего последнего визита обстановка в спальне не изменилась: все тот же столик у окна, лавка да кровать, на которой я и дожидалась возвращения Кощея. Странно, как быстро я приняла, что оказалась в сказочном мире среди нечисти. Нет, я по-прежнему хотела домой, тем более, меня там бабушка ждет, волнуется. Да и друзья, наверное, искать станут. Не могут же они не заметить, что я исчезла.

Кощея не было минут пятнадцать. За это время я несколько раз обошла по кругу спальню, а затем распахнула окно и с наслаждением вдохнула свежий воздух. Как же тут хорошо! Вид на березовую рощу и речушку радовал глаз. Кислород наполнял легкие до головокружения. Пришлось даже ухватиться за подоконник, чтобы не упасть. Птицы заливались в роще, лаская слух. Так бы стояла и стояла.

Но увы, все хорошее рано или поздно кончается. Вернулся хозяин терема, успевший облачиться во все черное, как и положено злодею: брюки, рубаху, высокие сапоги. Я невольно залюбовалась его образом. Блин, красивый мужик… Я заметила у него в руках ворох разноцветного тряпья.

— Примерь, может, подойдет чего? — кинул на кровать вещи Кощей.

А я с подозрением уставилась на женские рубахи и сара-

фаны. Откуда в доме у него чужая одежда? Это сколько баб тут раздевалось? Эта мысль неприятно резанула по сердцу. Хотя, по идее, мне должно быть фиолетово до личной жизни этого кра… Кобеля гулящего. Однако выбор у меня невелик: или чужое платье, или простыня. Придирчиво осмотрела и отобрала два более-менее подходящих по размеру наряда. Кощей, стоя спиной, наблюдал за моими действиями и, похоже, выходить не собирался.

— А ты не хочешь за дверью подождать? — я тонко намекнула, чтобы он все-таки вышел.

— Зачем?

— Переодеваться буду.

«Что за недалекий мужчина попался?» — поразилась я его тугодумию.

— Что я там не видел? — фыркнул Кощей так, словно мы лет двадцать женаты.

— Надеюсь, что ничего, — буркнула я, собираясь уйти сама.

Комнат тут полно, найду где переодеться. Но Кощей, вздохнув, вышел за дверь, оставляя меня в одиночестве. Почти. Потому что стоило закрыться дверям за его спиной, как на подоконник опустился ворон. Пернатый внимательно посмотрел на меня и произнес:

— Добр-р-рое утр-р-ро, кр-р-расавица.

— Доброе, доброе.

Наклонив голову, я прикидывала: мальчик он или девоч-

ка. И, не найдя никаких зацепок, чтобы это понять, спросила:

— Тебя как зовут?

— Кар-р-р!

От его ответа понятнее не стало. А вот от того, что дальше ворон, махнув крыльями, слетел к забракованной мною куче тряпок, разворошил ее клювом и принялся выковыривать разноцветные камни с подола платья, я сделала вывод: птица женского рода.

Пока пернатый прилагал все усилия по отковыриванию самоцветов, я натянула на себя белую рубаху и сарафан. Наряд пришелся впору. Я заплела косу и, не найдя никаких лент, просто откинула ее за спину. Авось, продержится какое-то время.

— Ну, долго еще?

Кощей постучал в двери и, получив дозволение, вошел внутрь. Да не с пустыми руками: он нес красные сапожки.

— Держи, еще нашел.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, наличие привычной обуви радовало. Вчерашние лапти категорически неудобные в носке. А с другой стороны, это ж опять кто-то оставил…

— Спасибо, — поблагодарила я и принялась примерять обновку.

Просунув ногу, я поморщилась от боли. Все-таки натерла вчера мозоли. И что теперь делать без привычных мазей и

кремов? Кощей, заметив, что что-то не так, приблизился и присел передо мной на колени. Я замерла. Что он задумал? Обхватив теплыми ладонями мою ступню, он вытащил ее из сапога, и сразу стала ясна причина моего дискомфорта. Покачав головой, Кощей поставил мою ногу на пол, поднялся и молча вышел, оставив меня недоумевать. Что это такое было?

— Пр-р-ридет, — успокоила ворона и принялась дальше орудовать клювом, отковыривая камень от наряда.

Спустя минуту Кощей действительно вернулся, неся в руках темный флакон, и произнес:

— Присядь.

Стоило мне выполнить его просьбу, он опять опустился передо мной на колени. Откупорил склянку, и я почувствовала травяной запах: полынь и что-то еще. Кощей плеснул принесенный отвар на ладони, а потом массирующими движениями растер по моим ступням. Ох, приятно. Я зажмурилась. От движений мужских рук по телу побежали мурашки, хотелось, чтобы этот удивительный массаж продолжался бесконечно. Но, увы, волшебный отвар впитался, а вместе с тем и закончилась процедура. Нехотя открыла глаза и обнаружила, что мои ноги полностью здоровы. Ни единого намека на то, что они еще минуту назад были стерты до крови.

— О, — только и смогла пробормотать на это чудо.

— Пожалуйста, — усмехнулся Кощей. — Ну, идем завтракать, твой кофе, кстати, готов.

Кофе! Боже, это не нечисть, это же мужчина мечты! И оденет, и обует, и вылечит. Да еще и кофе нальет! Настроение резко взлетело вверх.

— Карл, — обратился Кощей к птице. — Слетай до Лешего, скажи, что вечером приду. Пусть баньку готовит.

В смысле Карл? Это что, все-таки мужик в перьях?! Я наклонилась за новеньким сапогом и прицелилась, но пернатый оказался проворнее. Обувка впечаталась в резную накладку над окном, а сам птиц, активно работая крыльями, уже набирал высоту в небе.

**

Кухня в тереме располагалась на первом этаже: огромное помещение с русской печью, деревянным столом и резными лавками по бокам. На столе белоснежная скатерть, на которой уже поджидал завтрак: румяные пирожки, самовар на еловых шишках, и кружка. Подозрительно похожая на ту, из которой я пила дома… Черная термокружка, на боках которой при нагреве проступают надписи: «Кружка ведьмы. Не брать, а то прокляну». Ирка подарила на прошлый новый год.

Я подошла ближе и поняла, что это же и есть моя родненькая. Вон, и ручка сколота — это я об кран приложила, когда мыла на прошлой неделе посуду.

— Самобранка? — скорее, сказала, чем спросила я.

— Она самая, — любовно пригладил края скатерки Кощей.

Интересно... Она что, может перетаскивать предметы, а не только еду? И если она таскает еду, то откуда? И как это работает? Ведь, если где-то прибыло, значит, где-то убыло? Внутри проснулось любопытство.

— Садись, — аккуратно подтолкнул меня к столу Кощей. — Поедим, и я тебя до дома довезу.

О, да! Однозначно Кощей сегодня — мой герой! Даже спорить не стала, без лишних вопросов плюхнулась на лавку и потянулась к кружке.

— Божественно! — сделав первый глоток, я прикрыла глаза от удовольствия. — Кофе со сливками! Это лучшее начало дня.

За завтраком мы успели немного поболтать о ничего не значащей ерунде, а потом вышли на улицу, намереваясь отправиться в путь. Стоя у ступеней терема, я размышляла: «Интересно, вот Яга в ступе летала. Ну та, что до меня была. Княжич на лошадке тыгдык, а Кощей каким транспортом пользуется?»

— Прикрой уши, — посоветовал Кощей и, сунув два пальца в рот, протяжно свистнул.

Первые секунды ничего не происходило, а потом под ногами задрожала земля.

— Ой, что это? — на меня накатила паника, и я ухватила стоящего рядом Кощея за руку.

Между тем дрожь и не думала прекращаться, становясь лишь сильнее.

— Мамочки, — я шагнула назад, видя, как к нам со стороны леса приближается черное пятно.

— Не бойся, это Мрак.

Попытка Кощея успокоить провалилась с треском. Мрак? Надеюсь, это не змей трехголовый?

Словно окутанный черным туманом, к нам приближался огромный монстр. Ну конь, конечно. Вот только размером он отличался от обычного животного. Что там я говорила про лошадь княжича? Забудьте, там милый ручной коник. А этот зверь внушал не страх, а ужас.

— Я на него не полезу! — замотала я головой. — Я рядышком пойду, можно же, да?

Когда конь остановился в десятке шагов от нас, то и дрожать под ногами перестало.

— Идем, — потянул меня за руку Кощей, а я вдруг поняла, что так и стояла, держа его за ладонь. — Он смирный.

Этот «смирный» стукнул копытом, приветствуя хозяина, и земля содрогнулась.

— Не пугай, — строго произнес Кощей, протягивая руку к голове монстра.

Тот послушно наклонился и довольно зафырчал, когда хозяин провел меж ушей ладонью.

— Попробуй, — предложил мне Кощей сделать то же самое и, не дожидаясь согласия, сам положил мою руку повыше носа коня.

«Сожрет, — пронеслось в голове, — И не подавится». За-

жмурилась, ожидая ощутить, как минимум, укус за запястье. А вместо этого услышала смех Кощея. Открыла один глаз и увидела обиженную морду коня. Что? Одному смешно, а второму обидно? Что вообще происходит? Осмелев, я открыла второй глаз и провела рукой по нежной шелковой шерстке животного. Мягкий, теплый и… вообще не страшный? Ошеломительное открытие. Скорее, наоборот, касаться его оказалось приятно.

— Поторопимся, княжич ждет, — одним махом взлетел на спину коня Кощей.

Почему не в седло? Да потому что никакой амуниции для поездки на зверюге не имелось. И, свесившись, легко закинул меня перед собой. Опять. Я закатила глаза, а потом махнула рукой. Фиг с ним, до дома Яги потерплю.

— Не спеши, друг, — попросил Кощей коня. — Не напугай нашу гостью.

Конь и вправду послушал. Шел спокойно, не дергал, не пытался нестись. Чинно ступая, нес нас вперед. И через какое-то время я поняла, что мне нравится поездка. Комфортно и спокойно.

— Кар, — раздалось сверху, вынуждая поднять глаза к небу.

Карлуша объявился. Над нами нарезал круги пернатый, опасаясь приземлиться на плечо хозяина. Очень справедливо, между прочим. Мне до сих пор хотелось задать ему взбучку.

— Кошмаррр! — видя, что его заметили, Карл принялся рассказывать последние новости. — Пр-р-ремудрая с пр-р-рекрасной подр-р-рались. Позор-р-р.

— Премудрая? Это он о Василисе сейчас? О той самой, к которой я вчера не дошла?

— Ну да, — подтвердил мои догадки Кощей. — Она на опушке у Дивногорья живет, ты не знала?

— Откуда? — отрицательно покачала головой. — Я еду с тобой. Страсть как хочу на экскурсию в Дивногорье, — поменяла я свой маршрут.

Глава 6

Ехать с Кощеем оказалось комфортно. Он не приставал с разговорами, просто крепко прижимал к своей груди.

От такого близкого соседства я пригрелась и где-то в середине пути даже откинула голову назад, собираясь немного вздремнуть. Кто бы мог подумать, что нечисть в сказочном мире совсем не похожа на ту, что в наших детских книжках. В такого и влюбиться можно.

Да и княжич местный тоже хорош, вспомнился мне Иван. Высокомерный слегка, ну так оно и понятно, должность обязывает. Вот он, наверное, удивится, что я заявлюсь. Представила его лицо и даже улыбнулась. Возомнит, небось, что к нему приехала. Кстати, а как Кощей собирается с домовухой справиться? В мешок засунет и в новый дом отнесет? Или чары какие, усмиряющие, наложит?

Эта мысль прочно засела в моей голове, и я заерзала в седле, не решаясь задать вопрос. Кощей стоически терпел, но в какой-то момент все-таки не выдержал и попросил успокоиться. Да и Мрак под нами заметно нервничал. Его размеренный шаг стал больше походить на галоп, от чего мне уже было не так комфортно в седле.

— Прости, я задумалась, — смутилась я, потому что ощутила, как мне в спину упирается то самое, что намекает на симпатию Кощея ко мне.

Внушительную такую, крепкую симпатию.

Чтобы хоть как-то отвлечься, а заодно и разжиться информацией, я решила, что беседа в дороге — это прекрасный способ познакомиться поближе. Поэтому спросила:

— Кощей, а чем ты в своем доме целыми днями один занимаешься?

— По-разному. Когда нечисть бушует, и надобно ее успокоить, — принялся перечислять он. — Когда Леший на огонек заглянет или кикимора какая в гости позовет.

Вот это вот «кикимора в гости» было произнесено с такой томной интонацией, что сразу стало ясно зачем. Вот значит, чья одежда на мне. Захотелось сказать какую-нибудь гадость, но в голову, как назло, не пришло ничего достойного.

Тем временем мы миновали лесную чащу и выехали к красивому озеру. Прозрачное зеркало воды, окруженное плакучими ивами и березами, распустившиеся у берега белоснежные кувшинки, а откуда-то сбоку слышался целый лягушачий хор. Краем глаза я уловила смазанное движение за деревьями, и через мгновение перед нами появилась…

А кто это собственно? Я затруднялась определить подвид нечисти. Явно женского пола, потому что на стройной девичьей фигурке красовалось ярко-алое платье, расшитое золотыми узорами. На плечи накинут бордовый платок с пушистыми кистями по углам, длинные зеленые волосы девушки распущены и доходят ей до пояса. Лицо миловидное с тонкими чертами, узкие губы, а глаза цвета молодой листвы. Вот

только взгляд у нее колючий, смотрит на нас исподлобья.

Почему я решила, что она нечисть? Да потому что кожа ее приятного салатового цвета. У обычных смертных я такого не видела.

Я напряглась и придвинулась ближе к своему спутнику, что не укрылось от внимания незнакомки. Ступая босыми ногами по траве, она сделала пару шагов навстречу.

— Мара? — Кощей явно удивился появлению своей знакомой. — Что ты здесь делаешь?

— К тебе шла, — улыбнулась девушка. — Скучала.

Я ощущала себя лишней при их разговоре. Да и Мара эта мне не понравилась. Вижу ее впервые, а прям б-р-р, мороз по коже от ее взгляда.

— Вы пока поговорите, я пойду по берегу прогуляюсь, — повернувшись к Кощею, почти шепотом сказала я и попыталась сползти с коня.

Кощей помог, без него я бы свалилась на землю. Он аккуратно поставил меня на траву и спешился сам. Не желая мешать их разговору, я удалилась, оставив их наедине.

Шла по берегу, шла, пока не услышала чье-то печальное пение. Такое тихое-тихое. Но с каждым словом к горлу подступали слезы. Девушка пела о горькой судьбе и разлуке.

Пройдя еще метров сто, в камышах я заметила и саму певунью. На крутом выступе над водой сидела совсем молоденькая девчонка, лет восемнадцати. Ее длинные волосы заплетены в две толстые косы, но лент в них я не увидела.

«Странно, как они не расплетаются?» — удивилась я. На ее хрупкой, почти прозрачной фигурке не было ни сарафана, ни платья, одна лишь тонкая льняная рубаха.

Я не хотела спугнуть и помешать ее уединению, но и уйти была не в силах. Песня завораживала. Как под гипнозом я стояла, не шелохнувшись. Закончив петь, девушка вытерла слезинки с глаз и… соскользнула в озеро. Вода сомкнулась над ее головой, расходясь кругами.

Секунда, другая, еще одна и еще… А она все не показывалась на поверхности. «Топиться собралась!» — осенила меня догадка, и, недолго думая, я нырнула за ней следом.

— Куда! Стой, малахольная! — услышала я крик Кощея, но было уже поздно.

Плаваю я отлично, поэтому не опасалась ни капли. Да и не о себе думала: хотела спасти глупую девчонку, что решила свести счеты с жизнью. Под водой как я ни старалась, но ничего рассмотреть не удалось. Темно как у… В общем, ну очень темно. Несмотря на то что на улице вовсю светило солнце, сюда не проникал ни один лучик. А еще температура воды вот вообще не для купания.

Уже через несколько секунд ноги свело судорогой, и я решила всплывать. Взмахнув руками и сделав несколько гребков к поверхности, я почувствовала, как вдруг что-то или кто-то ухватило меня за ногу. Паника накрыла с головой. Задергалась, пытаясь освободиться, но чем сильнее я это делала, тем крепче становилась хватка на лодыжке. Что за чер-

товщина?

Запас воздуха в легких подходил к концу, и мне нужно было срочно освобождаться из водного плена, иначе я рисковала составить компанию той, кого полезла спасать. Я уже была близка к отчаянию, плохо соображая, что происходит. Сделала вдох, и вместо воздуха в легкие хлынула вода, обжигая изнутри. «Неужели это конец?» — мелькнуло в моей голове.

Как вдруг чьи-то сильные руки, ухватив меня за плечи, дернули вверх. Нога выскользнула из плена так легко, будто и не удерживали ее вовсе. Кто пришел мне на помощь, я не знала, но была бесконечно благодарна ему.

Оказавшись наконец на берегу, я принялась откашливать воду из легких, стоя на четвереньках. Сердце бешено стучало от пережитого страха, и как я ни уговаривала себя, что все позади, никак не могла успокоиться. Одежда намокла и противно липла к телу, коса потяжелела и клонила голову к траве, сапожки остались где-то на дне реки…

— Там девушка, она тонула… — откашлявшись, я подняла глаза на своего спасителя и обнаружила, что в паре шагов от меня стоит мокрый Кощей.

С его волос стекала вода, а сам он, не стесняясь, избавлялся от одежды. Он уже успел снять верх и сейчас развязывал шнуровку штанов.

— Раздевайся, а то замерзнешь. Я костер разведу.

Я даже спорить не стала. Избавилась от сарафана, оставив

на себе лишь тонкую рубаху типа той, в которой топилась девица. Такая быстро просохнет, если сесть в ней у костра.

Кощей тем временем снял штаны, сложил набранный на берегу хворост в кучу и одним касанием заставил его разгореться. А я все гадала, как он собирается добывать огонь. Полезная штука это волшебство.

Пока я рассиживалась у огня, протянув к нему руки и пытаясь согреться после ледяного купания, Кощей развесил мокрые вещи на ветки деревьев и уселся рядом со мной. Настолько близко, что я ощущала тепло его тела.

— Ну?! — строго произнес он, повернувшись ко мне. — И зачем ты полезла в воду? Только не говори мне, что купаться в девичьем озере решила.

— Девушка тут на берегу сидела, песню грустную пела, а потом топиться пошла. Ну я за ней. Спасти… Не смогла.

И от мысли, что на моих глазах девушка свела счеты с жизнью, мне стало совсем грустно. Конечно, слезы лить по незнакомке я не стану, но сердце противно ныло. Я не смогла ей помочь.

— Ой, непутевая, — вздохнув, Кощей обнял меня за плечи и прижал к себе. — Как выглядела девица та?

— Девица как девица. Тоненькая, как тростинка, почти прозрачная. Волосы длинные без лент в косе. Красивая.

«Интересно, он к чему спрашивает, знакомая что ли?» — подумав, я добавила:

— Голос нежный, поет так, что заслушаться можно.

— Ты русалку спасать полезла? — и в его голосе я уловила веселье. — То-то водяной удивится.

— Как русалку? — я вывернулась из объятий и уставилась на него. — А хвост?!

— Хвост? — удивился Кощей. — Отродясь не видал девицу с хвостом.

После короткой лекции, которую слушала с раскрытым ртом, я узнала, что русалки выглядят, как обычные люди. Ноги-руки-голова. Да они и были когда-то людьми, просто решили покончить с жизнью через утопление. Вот и стали речными духами. А песни поют — завлекают жертву к воде. Могут и на дно утащить. А я, балда, сама добровольно нырнула.

Пока я переваривала полученную информацию, поверхность воды пошла кругами, вспенилась, и из глубины показалась мужская голова. Широко распахнув глаза, я уставилась на это чудо. «Чудо» тоже пялилось на меня с огромным интересом. В принципе, мужик как мужик, немолод. Я бы сказала, ему лет шестьдесят по земным меркам. Длинные волосы, борода, усы, нос картошкой, изумрудные глаза — чем-то похож на деда мороза, если бы не цвет кожи бледно-голубого оттенка.

— Кто мне воду баламутит? Русалок пугает?! — закончив меня рассматривать, строго поинтересовался он. — Кощей, что происходит?

— Яга купается, — усмехнулся Кощей в ответ. — Остынь,

мокрый.

— Здрасти, — осторожно поздоровалась я. — Простите, я не хотела.

— Не хотела она, — уже не так злобно ворчал…

А кто собственно он такой? Я и понятия не имела. Между тем дед, как я прозвала его про себя мысленно, вышел из воды. Причем совершенно сухой, от чего я офигела еще больше. Это как такое возможно? Его длинный кафтан темно-синего, почти черного, цвета, расшитый каменьями драгоценными, сверкал на солнце. Синие брюки, в тон к ним высокие сапоги — и ни капли воды не стекло с одежды.

— Знакомься, Водяной, это Яга, новая. Яга, это Водяной, — представил нас друг другу Кощей.

— Алиса, это окорок, окорок, это Алиса, — пробормотала я, задумчиво оглядывая замершего перед моим носом Водяного.

— Яга-а-а… — удивленно воскликнул он. — Ну надо же, а с виду пигалица. Ты уверен?

— Уверен, — кивнул Кощей. — Намедни княжича через Смородину водила. Так что точно говорю, Яга. Привыкай.

Оба мужчины, помолчав, тяжело вздохнули. Видимо, привыкать начали. Пусть не надеются, я отсюда сбегу, вот только пойму как. Не придется им с пигалицей мучиться.

Глава 7

Кощей с Водяным беседовали уже полчаса, обсуждая последние новости. Увлеченные разговором, на меня особого внимания они не обращали. Лишь изредка я удостаивалась задумчивого взгляда морского владыки. Но вот понять, о чем он думает в этот момент, не могла. Кощей сидел ко мне боком, и я любовалась его точеным профилем. Красивый, зараза!

Легкий теплый ветер трепал его длинные волосы, успевшие к тому моменту высохнуть. Захотелось запустить в них руки и…

«Стоп, Ярослава, — осадила я себя. — Не о том думаешь. Думай лучше, что Василисе говорить будешь, как упрашивать помогать тебе вернуться».

Мысли плавно перескочили на другую тему, и пока я вела в голове беседы с премудрой девицей, смотрела на камыши, растущие вдоль берега. И не сразу поняла, что оттуда на меня кто-то уставился. Присмотрелась — та самая утопленница, прячась в зарослях, с любопытством наблюдала за нашей компанией. Преимущественно за мной, но и Кощею с Водяным внимание перепадало.

«Вот ведь селедка! — разозлилась на нее. — Я чуть не утопла, ее спасая, а ей хоть бы что! А Яга прежняя тоже хороша! В письме писала, что русалки не вредные. Ну-ну».

Хотя не скрою, я порадовалась, что девица жива-здорова.

Наконец, обсудив насущные дела, Кощей поднялся и проверил наши вещи, развешанные на ветках. Убедившись, что все высохло, он принялся одеваться сам и мне велел. На что я только фыркнула — ишь раскомандовался, без него знаю, что мне надо делать, чем сильно развеселила водяного. Расхохотавшись, он похлопал своего приятеля по спине:

— Держись, друг, попал ты.

Кощей вздохнул, молча соглашаясь с таким положением вещей, а владыка продолжил, уже обращаясь ко мне:

— Яга, будет время — заходи. Поболтаем, познакомимся поближе.

— Чтобы ты меня точно утопил? Нет уж, вынуждена отказаться, — почему-то я ни секунды не сомневалась, что под водой меня удерживал именно он.

— Прости, не признал, — виновато развел руками Водяной. — Чтобы загладить свою вину, готов тебе отдать то, что прежняя Яга просила, но я не уступил.

Кощей замер и удивленно уставился на Водяного. Такая реакция заставила меня заинтересоваться, что же такого просила моя предшественница. Может, и мне пригодится.

— Заманчиво, — протянула я, раздумывая, соглашаться или нет.

— Еще бы! — вскинул подбородок Водяной. — Пропустим по чарочке, познакомимся, я тебе подарок сделаю, — вкрадчивым голосом соблазнял он меня.

И главное — глаза такие добрые-добрые.

— В воду не полезу! — на всякий случай предупредила я, но его вполне устроило.

— Добро! — протянул владыка мне свою ладонь для рукопожатия. — На вечерней зорьке ждать на бережке стану.

Я протянула свою в ответ, и она утонула в огромных ручищах Водяного. Неожиданно нежно, едва касаясь, он скрепил нашу договоренность и исчез в темных водах озера. Вслед за ним нырнула и любопытная русалка. Небось, понеслась с подружками сплетничать.

Кощей по пути до коня не проронил ни слова. Шел хмурый и чем-то очень недовольный. То ли тем, что я согласилась на встречу с Водяным, то ли тем, что я в воду полезла. Впрочем, мне без разницы. Пусть вон Маре своей претензии выставляет. Я девица свободная: хочу в озере топлюсь, в смысле, купаюсь, хочу с водяными встречаюсь.

Наконец лес закончился, и показались бескрайние поля. Рожь, пшеница, овес колосились золотым покрывалом. Красиво, что тут скажешь. Почему-то в голове вспомнилась песня «Широка страна моя родная». Но тут в славянском сказочном мире ее бы не оценили, да и вокальными данными я обладала весьма посредственными. Так что не стала знакомить Кощея с иномирным репертуаром.

Дорога вывела нас к высокому деревянному забору, который уходил вправо и влево насколько хватало простора. Проехав вдоль преграды, мы добрались до распахнутых во-

рот, у которых дежурила стража. Завидев, кто пожаловал, те приветственно склонили головы. Я успела увидеть в глазах одного из них страх и неприязнь, вспыхнувшую при взгляде на Кощея. На меня же смотрел с жалостью. Уверена, признай он во мне Ягу, смотрел бы иначе.

Мне было все любопытно, ведь в княжествах прежде бывать мне не доводилось. Единственная именуемая так территория в моем мире — Монако — пришедшая почему-то в голову при слове «княжество». Но для меня она вне зоны финансовой досягаемости.

Все отпуска и свободное время я проводила у бабушки в деревне, сколько себя помню. Старушке надо было помогать. Коровы, овцы, куры… Хозяйство у нее огромное, и за лето нужно было напасти сена на всю зиму. Да и травы бабуля собирала, к ней потом со всех окрестных деревень и поселков съезжались за помощью. Удивительное дело, но за свою долгую жизнь бабуля ни разу не обращалась к врачам и не пила аптечных лекарств, предпочитая зеленую аптеку.

Сердце сжалось при мысли, что я больше никогда ее не увижу. Но еще больше от того, что скоро к ней приедут с известием о моей пропаже. Вот это настоящая беда. Надо поскорее выбираться отсюда.

Все эти мысли не мешали мне рассматривать пейзаж вокруг. А посмотреть было на что. Мы проехали пару кварталов с домишками из потемневших тесаных бревен. Крыши, крытые дранкой, покосившиеся крылечки попадались на пу-

ти, и теперь Мрак вышел к огромной площади, на которой царила суета. Базар. Сразу стало понятно, что это за место.

Торговцы громко расхваливали каждый свой товар, лежавший на деревянных прилавках. Женщины с огромными корзинами сновали мимо рядов, предлагая, кто пирожки горячие, кто молочко и сметанку. Босоногая, чумазая ребятня, сидя на лавочке, провожала взглядом покупателей, примеряясь, у кого можно вытащить кошелек. Но стоило увидеть появившегося на площади Мрака, как гомон людских голосов стих, как по чьей-то невидимой команде.

Мне вдруг стало не по себе, и я прижалась спиной к своему спутнику в поиске защиты. Он понял мгновенно, покрепче обнял, и от тепла его тела стало спокойнее. Почему-то нечисти я доверяла больше, чем собравшимся на площади людям. Может, потому что в этом мире я одна из них. А может, потому, что уже успела с некоторыми познакомиться и зла от них не чувствовала. А вот недобрые взгляды в нашу сторону от людей откровенно пугали.

— Не бойся, я рядом, — шепнул Кощей.

Хотя сам при этом заметно напрягся. И пока мы не миновали базарную площадь, я спиной ощущала липкие взгляды толпы. Только свернув в переулок, смогла выдохнуть с облегчением.

— Почему они так смотрели? — обернувшись, спросила я.

И обнаружила, что пока мы ехали, Кощей накинул на пле-

чи плащ, да еще и капюшон на голову натянул, скрывая лицо. Потянулась рукой, желая снять покров, но мою руку мягко перехватили у самого лица.

— Не надо. Поверь, так будет лучше.

Странная блажь. Или, может, так принято? Что ж, спорить не стала. Кто знает.

— Ты хотела к Василисе, — вместо ответа на вопрос произнес Кощей. — Она живет за восточными воротами, я тебя отвезу.

Он похлопал коня по шее, указывая, в каком направлении свернуть, и Мрак понятливо выбрал улочку справа от нас.

Перспектива оказаться одной у незнакомой мне Василисы не порадовала. Но у Кощея другие дела, ему некогда. Просить его возиться со мной дальше как-то не очень…

— Терем Иванов в самом центре, — тем временем произнес Кощей, вырывая меня из задумчивости.

— А можно мне с тобой? — вырвалось прежде, чем я осознала, что ляпнула.

— Конечно, — и мне показалось, что он был сам рад моей просьбе. — Мрак, вези к Ивану.

И конь, фыркнув, повернул в обратном направлении. Повезло, что улочки городка были пусты. Скорее всего, в это время все трудятся и им не до праздного шатания.

Высокий двухэтажный дом заметен стал издали. Выглядел он странно, будто ночью шел снег, и вся его крыша, стены, ступени крыльца укутаны ровным белым покровом. Чем

ближе мы подъезжали, тем отчетливее среди белизны проступали черные пятна, а нос улавливал какой-то смутно знакомый запах.

— Деготь, — подсказал Кощей. — А поверху пух.

Вокруг княжьего жилища царила суета. С криками:

— Мамочки, что же такое делается?

— Нечисть проклятая, совсем распоясалась!

— Да что же это? Люди добрые?!

— Всю скотину повыпустила, иродица!

Носилась прислуга. Бабы пытались поймать наполовину ощипанных кур, что как оголтелые бегали по двору, мужики гоняли поросей, очевидно, с той же целью. Сам же княжич стоял на крыльце, спиной к нам и, склонив голову к плечу, осматривал безобразие, учиненное домовухой.

На наше появление никто не реагировал, всем было не до нас. Кощей остановил коня возле крыльца и поприветствовал Ивана:

— Здрав будь, княже. Гляжу, совсем плохо?

Иван обернулся на голос и, увидев, что Кощей явился не один, довольно сверкнул глазами, мол, так и знал, что придешь.

— Доброго дня, — князь неторопливо спускался по ступеням, рассматривая меня.

А я же глазела на его «дворец», казавшийся мне смутно знакомым. Где-то я такой видела. В кино что ли?

— Давай поскорее закончим, — Кощей легко спрыгнул на

землю и потянулся ко мне руками, помогая оказаться внизу.

— Жду с нетерпением. Видал, что учудила? — усмехнулся Иван, кивая на перья с фасада дома. — Совсем сладу нет. А пока ты, Кощеюшка, делом занят, чтобы гостья моя дорогая не заскучала, проведу ее по саду своему. Беседой займу.

Кощей кивнул и уже было шагнул на первую ступень, пока Иван пытался ухватить меня под белы ручки. Не то чтобы мне страсть как хотелось на прогулку с Иваном, просто в дом не хотелось. Как там княжич жаловался — девок обижает. Не желала попасть домовухе под горячую руку.

Вдруг со звоном разлетелось стекло на первом этаже, единственное из уцелевших, и к моим ногам вывалился тряпичный сверток.

Глава 8

— Опять чудит, бесовка! — выругался княжич и поспешно поднял послание от домовухи.

Пока он разворачивал тряпку, оказавшуюся небольшим девичьим платком, я пыталась рассмотреть в окне виновницу безобразия. Но, как ни старалась, кроме развевающихся от ветра занавесок ничего не заметила.

— Вот же, пакость какая! — отвлек меня Иван, который держал на ладони резную деревянную шкатулку.

Меня тут же заинтересовало, что внутри? Неужели домовуха швырнула в окно драгоценности? О чем я и поинтересовалась у Ивана.

— Да лучше бы жемчуга повыкидывала да золото, чем дар бесценный! — княжич бережно погладил круглую крышку, а затем приподнял ее, демонстрируя содержимое шкатулки.

Мне пришлось наклониться ближе, чтобы рассмотреть, что так дорого Ивану. Вообще, я рассчитывала увидеть камни драгоценные или фамильные украшения, и каково же было мое изумление, когда вместо этого я увидела сушеные листья, отдаленно напоминающие чайные. Однако запах говорил, что это совсем не для заварки. От яркого аромата у меня зачесалось в носу, я не удержалась и чихнула. Иван от неожиданности выронил свою драгоценность, рассыпав на траву все, что было внутри.

— Мой табак! — взвыл он и попытался собрать его обратно в шкатулку.

Надо ли говорить, что потерпел неудачу?

Табак? Так вот что за пахучие травы, которые я никак не могла идентифицировать. У бабушки в деревне сосед баловался самокрутками: то табачок, то махорка. Закрутит и дымит на завалинке.

Из разбитого окна послышался довольный смех домовухи. Ей явно пришлось по душе зрелище. Я резко вскинула взгляд, ориентируясь на звук, и мне удалось рассмотреть торчащую из-за занавески взъерошенную старушку, росточком точь-в-точь как Феофан. Она стояла на подоконнике, держась за край шторы, и свысока посматривала на нас. Длинные седые волосы торчали в разные стороны, как пружинки, серый сарафан до пят и ярко-зеленая кофта в заплатках — вот и все, что я смогла рассмотреть. Старушка, думая, что никто ее не видит, не таясь, хихикала из своего укрытия. Но стоило Кощею поднять голову, как она шарахнулась назад, опасно качнулась и кубарем полетела на пол.

— Ладно, пойду я, — произнес молчавший все это время Кощей, поправляя капюшон, который чуть не свалился от его движения. — Опосля дел полно.

Очевидно, намекая, что ему еще меня к Василисе везти. Князь распрямил спину и протянул мне руку, приглашая на прогулку. А я… почему-то ляпнула:

— Кощей, можно с тобой пойду?

Тот удивленно обернулся, что-то прикинул и кивнул, разрешая.

— Тогда и я, — вздохнул Иван тоскливо, явно не желая заходить в свой собственный дом, пока там хозяйничает проказница.

— В том нет нужды, сам управлюсь, развоплотить злого духа несложно.

— Что значит развоплотить? — зацепилась я за это слово.

Вообще, до этой минуты я как-то не очень задумывалась, что будет делать Кощей с домовухой. Накажет? Проведет воспитательную беседу? Заколдует, в конце концов? Но не развоплотит же.

— Ну да, пшик и нету, — подтвердил мои догадки Иван. — Делов-то. Одной меньше, одной больше, — пожал он плечами.

Кощей сделал шаг на ступени, а я ухватила его за рукав.

— Погоди, а что, другого способа нет? — сама не знаю почему, но мне было жаль проказницу.

Да, она, конечно, шороху навела, но ведь наверняка всему есть объяснение.

— Может, сперва с ней поговорить?

— Зачем? — нахмурился Иван, не понимая меня.

А Кощей, скрестив руки на груди, поинтересовался:

— Так кто беседовать станет? Я б Ягу попросил, так она твердит, что временно и вообще.

— Как временно? Что значит вообще? — недоумевал кня-

жич, растерянно переводя взгляд с меня на Кощея и обратно.

Я же усиленно думала, что сказать. С одной стороны, да, Яга я так себе, только по названию. Но ведь с другой, я справилась и провела Ивана через реку, тот вернулся в здравом уме. Значит, я кое-что могу? На что-то гожусь? Заработаю себе плюсик в карму, спасу домовуху от забвения? И я решилась.

— Ладно, пойду я, — протянула так, будто делаю великое одолжение.

Кощей усмехнулся, довольно сверкнув под капюшоном глазами.

— Только одна. Чур за мной не ходить! — остановила я обоих мужчин, явно собравшихся пойти внутрь.

Очень мне не хотелось, чтобы в случае неудачи они видели мой позор. О том, что если я не справлюсь, старалась не думать.

Иван и Кощей остались дожидаться меня на крылечке, а я, выдохнув, как перед экзаменом, решительно взялась за ручку двери и, распахнув ее, оказалась внутри.

Первое, что почувствовала — неприятный запах, еле уловимый, но весьма отчетливый. Как будто что-то испортилось на кухне. Решив, что, скорее всего, так оно и есть, я приступила к осмотру дома. Походила по первому этажу, скрипя половицами, позаглядывала в комнаты, на кухню, где противный запах был сильнее всего, и мне пришлось закрыть нос рукавом. Чем дольше я находилась в тереме, тем силь-

нее ощущала дежавю. Я здесь была. Расположение комнат, коридоры — все мне знакомо. Как такое может быть?

Закончив с первым этажом, я направилась к лестнице, намереваясь подняться на второй. Надо было у Кощея спросить... О… Недодумав мысль, я тут же поняла, в чем дело. Это же точная копия дома Кощея! Открытие меня поразило настолько, что я замерла на месте, и, надо сказать, очень вовремя. Потому что под ноги мне тут же шлепнулся горшок с цветком, а сверху послышался разочарованный вздох. Я подняла глаза. Вредная старушка, уставившись на меня удивленно, воскликнула:

— Ты что, меня видишь?

Это открытие так ее поразило, что второй горшок, который был у нее в руках, не полетел следом за первым. Она аккуратно поставила его на пол и уперлась руками в бока.

— Ведьма? Болотница? Мавка? — перебирала она и тут же морщилась, отметая предположения.

Наконец, у нее кончились варианты, и она просто спросила:

— Чьих будешь, подруга?

Дожила, Славка, нечисть тебя подругой признает…

— Временно исполняющая обязанности Яги, — представилась я, заставляя домовуху открыть рот от изумления.

Она, словно не веря, прошлась по мне взглядом, особое внимание почему-то уделила пустым рукам, будто ожидала в них что-то увидеть, а потом вдруг громко расхохоталась.

— Яга? Ой, не могу, насмешила девка! — вытирая выступившие слезы, причитала она.

Пока та веселилась, я взбежала по ступенькам и, ухватив ее за шиворот, приподняла над полом. А что еще мне надо было с ней делать? Я понятия не имела. А вот чтобы не убежала — самое то.

— Ты пошто… Тьфу ты, набралась… Зачем, говорю, безобразничаешь? А?! — спросила я строго, словно строгий школьный учитель на переменке. — Ты хоть понимаешь, что тебе за это будет?

Смех резко прекратился, паршивка скинула кофту и, вывернувшись из моих рук, рванула по коридору в сторону спальни. Я следом, но как ни старалась, несмотря на коротенькие ножки, домовуха оказалась шустрее. Она юркнула за дверь, и, пока я возилась, открывая ее, успела забраться под кровать. А уже оттуда показала мне язык.

— Не достанешь!

И вот вроде с виду взрослая женщина, то есть, бабушка уже, а ведет себя как ребенок. Я опустилась на постель, и под моим весом заскрипели пружины. «Надо же, — удивилась я. — А у Кощея матрас из соломы», — почему-то пришло в голову.

— Давай поговорим? — вздохнув, предложила я домовухе.

Ведь за этим я и пришла. Стоит попробовать, что я теряю?

— Расскажи, что случилось? Может, помогу?

— Ты? Яга? Поможешь? — горько усмехнулась домовуха под кроватью.

Похоже, что моей предшественнице она не очень-то доверяла.

— Да уж лучше пусть Кощей развоплотит, чем такая помощь!

— Честное пионерское, я не причиню вреда. Ты же видишь, ну какая из меня Яга.

— Никакая, — презрительно фыркнула домовуха, и я вынуждена была признать ее правоту.

— То-то и оно, а снаружи ждут Иван с Кощеем, да и еще много кто. Наверняка, трепку ждут за твои дела.

Я дала две минуты на обдумывание моих слов и продолжила:

— Если обидел кто, так ты и скажи, разве ж я не пойму? А вместе решим, что делать.

Из-под кровати показалась макушка, затем голова, а через мгновение вылезла и вся домовуха. Судя по ее взгляду, ей очень хотелось мне верить, но отчего-то она сомневалась. Чтобы разрушить последние сомнения, я протянула ей руку, помогая забраться на кровать. И она, поколебавшись, приняла помощь.

Разговор получился долгим. Пару раз внизу стучали в двери, пришлось, высунувшись в окно, крикнуть, что все со мной хорошо. Кощей волновался. Домовуху и правда обидели, можно сказать, предали собственные хозяева. Съехали

в новый дом, а ее не взяли с собой. Слышала она разговор хозяина с женой, мол, стара стала Микоша, ей в новом доме нет места. Опосля переезда новую заведут. А эта пусть свой век в старой избе доживает.

— Да только изба та по весне развалилась вся, крыша рухнула аккурат возле печки. Половицы прогнили все, мыши туда-сюда, как там жить? Ну я и убегла. Нашла своих, а там новая девка домовая, шустрая, веником меня погнала. Ее вины нет, она свое охраняет. А мне куда прикажешь идти? Ну я и нашла себе жилище. Да только хозяин неприветливый. Обидчивый. Что ни сделаю, все не так.

— Зачем сапоги его спрятала? — вспомнила я жалобы Ивана на проказы.

— Кто?! Я?! — от возмущения Микоша соскользнула с кровати и принялась расхаживать вдоль окна. — Да он сам их в печку запхнул, вернулся третьего дня от друга своего, лыка не вяжет. Раскидал все по горнице и на постель завалился. Я одежу-то прибрала, а вот сапог не нашла. Кто его знает, зачем он их в печь запихал?

И так она возмущалась, что не поверить ей было невозможно.

— Допустим, а зачем скотину всю выпустила? — поинтересовалась я еще одной ее проказой. — Или опять не ты?

— Я, — довольно заявила Микоша, выпятив грудь. — А чего он молочка пожалел? Подумаешь, кружку взяла. Разорался-то, тьфу. Ну я и выпустила коров, а потом смотрю —

хрюшки красивые, хорошенькие. Ну и открыла загон, пущай погуляют.

Глядя на ее мстительное выражение лица, я не могла не улыбнуться.

— Хорошо, а терем зачем разукрасила? Перья, деготь, который потом вообще не отмыть, только отскабливать. Это ж ни в какие ворота.

— Это каюсь, характер у меня вредный, злопамятный. Не помню уже, на что осерчала. Сделала гадость, и отпустило меня, понимаешь?

— Хорошо, — я задумалась, вспоминая, на что еще жаловался Иван. — А девок зачем пугала?

— Тю-ю-ю, да разве ж… — осеклась она под моим строгим взглядом. — А чо я-то сразу? Ты вон Ивана спроси, что он с ними делает, постыдник окаянный. Срамота одна. А уж те-то, как визжат, чисто поросята.

Такое праведное возмущение было в глазах старушки, что я не стала уточнять, верно ли я подумала.

— Ладно, — стукнула я ладонями по коленям. — Поговорили, выяснили. Теперь больше не будешь?

Я надеялась услышать что-то типа «каюсь, осознала, исправлюсь», но вместо этого Микоша хитро прищурилась и ответила:

— Как же нет, когда да?

И я, уже собравшаяся подняться, плюхнулась обратно. Да как так-то? И вот что с ней делать? Старушка-то, в общем,

неплохая, если сейчас выйду ни с чем, то сюда придет Кощей, и тогда ей конец. В голову пришло неожиданное решение.

— Скажи, Микоша, а в одном доме может быть два домовых?

Она задумалась и честно ответила:

— Не слыхивала про такое. Это ж какой терем должен быть большой, чтобы одна не справлялась?

Интересно, есть норма по квадратным метрам для домового? Типа, на сто метров один хозяин? Хихикнув от глупости, пришедшей мне в голову, спросила:

— Пойдешь ко мне в избу жить? Правда, у меня уже Феофан есть, но ведь в тесноте да не в обиде? — именно так любила всегда говорить бабушка. — А потом, глядишь, и новые хозяева найдутся.

Микоша задумалась.

— Ты хорошо подумала? — на всякий случай уточнила она. — Я бабка вредная, мстительная, ежели чего, сама видишь, чо будет, — она многозначительно обвела взглядом комнату, в которой царил бардак.

Но я своих решений не меняю, не в моем характере. Да и потом, меня в доме-то практически не бывает, да и не мой это дом вовсе, так что я ничего не теряю. А возможно, и приобретаю бесценного помощника и источник знаний, которых так не хватает сейчас. Поэтому твердо сказала:

— Хорошо подумала. И буду рада, если ты примешь при-

глашение стать домовухой в доме Яги.

Как приглашать правильно я не знала, поэтому сказала то, что пришло на ум.

— Добро, — повеселела старушка, топнув ногой и, обернувшись вокруг себя, она мгновения преобразилась.

Волосы аккуратно заплетены в косу, унылый серый сарафан тут же стал ярче, приобрел краски и стал точной копией моего наряда. Ого! Я во все глаза уставилась на Микошу, которая выглядела сейчас как я: коса, одежка, все в точности повторяло мой образ. Довольная произведенным эффектом, домовуха усмехнулась.

— Ну что, хозяйка, — сказала она с таким сарказмом, что у меня закралось подозрение, кто из нас будет главным в доме. — Идем принимать работу. Я так понимаю, изба не топлена, полы не метены.

«Феофанушка не кормлен…» — добавила я про себя.

Глава 9

Пока мы с Микошей шли к выходу, договорились, что она меня ждать у избы станет. Сама внутрь попасть не сможет. Нужно, чтобы я самолично ей дверь распахнула. Да и Феофанушку успокоила: вряд ли он обрадуется, что теперь у него такая соседка появится. А со мной к Василисе ехать она не пожелала. Да я и не настаивала.

В общем, появившись на верхних ступенях крыльца, Микоша тут же махнула платочком, крутанулась вокруг себя и, глядя на мое удивленное лицо, пояснила:

— Теперяча никто, кроме тебя да Кощея, меня не видит и не слышит.

Я тут же вспомнила, как Феофан мне подсказывал, как говорить с Иваном, и тоже заверял, что для княжича и его людей он невидимка.

— Ну? — коротко поинтересовался Иван, опасливо заглядывая мне за спину.

— Можешь спать спокойно, решила я твою проблему.

— И свою приобрела... — усмехнулся Кощей, глядя на Микошу.

В отличие от Ивана, он ее видел и, кажется, догадался обо всем.

Я не стала комментировать такое заявление. Поживем — увидим, проблема ли? Что, я со старушкой что ли не справлюсь? Найдем общий язык.

Иван повеселел, подал знак толпившимся позади слугам, и те потянулись к терему приводить хозяйские хоромы в надлежащий вид. Устранять последствия, так сказать.

— Благодарю, девица, — поклонился мне в пояс княжич. — Уж прости, Ягой язык не поворачивается назвать, Ярослава мне по сердцу больше. Прошу, не побрезгуйте, гости дорогие, — теперь обратил свой взор на Кощея Иван. — Разделите со мной трапезу?

Вообще, можно, времени-то уже сколько с завтрака прошло? Я украдкой посмотрела на Кощея, который почему-то хмурился и не спешил с ответом, и кивнула. В конце концов, успеется еще к Василисе.

На заднем дворе уже накрыли столы, которые ломились от яств: пироги, мясо, овощи, даже сладости присутствовали на белоснежных скатертях. Таким количеством еды можно было роту солдат накормить. Но все это великолепие дожидалось лишь нас троих: меня, Ивана и Кощея. Больше никто за стол сесть не посмел.

Иван по-хозяйски расположился во главе стола и, разломив хрустящий каравай, принялся жевать. А Кощей сперва положил на мою тарелку кусок мяса и лишь затем сам при-

ступил к еде.

— Расскажи, как все прошло? — попросил князь, утолив свой голод.

— В теплой дружеской обстановке, — хмыкнула я. — Провела воспитательную беседу, подыскала ей новое жилище. Так что не беспокойся, теперь можешь жить без опаски. Девиц водить, — зачем-то поддела его, припоминая возмущение Микоши.

На мои слова щеки Ивана окрасились в бордовый цвет. То ли от злости, то ли от смущения. Подскочив на месте, он тут же воскликнул:

— Какие девицы? О чем ты? Не было никого и не будет больше. Веришь? — своим взглядом он буквально прожигал во мне дыру.

А мне-то какое дело? Никакого. Мне вон вообще Кощей нравится. А к тому Мары всякие ходят. Чтобы не отвечать, я потянулась к румяному пирожку, намереваясь засунуть его в рот и жевать. Только тронула его пальцами, как тот исчез прямо на моих глазах. От изумления я растерянно моргнула, постучала по пустой тарелке.

— А где? — поинтересовалась задумчиво.

— А, так это, наверное, самобранка утащила, — прокомментировал Иван увиденное мной чудо. — Феофанушка проголодался.

У меня в голове закрутились шестеренки: получается, что еда, которую приносит волшебная скатерка, не сама собой появляется, а у обычных людей отбирается? Та каша, которую мы на завтрак просили — это же кто-то себе готовил? А мы сожрали? Вот это да. Но это же нечестно?

— Если где-то прибыло, значит, где-то убыло... — пробормотала я выводы и твердо решила самобранкой пользоваться в крайних случаях.

Объедать местное население я не хотела. А уж тарелку супа я сама в состоянии приготовить. Правда, где брать продукты, если вокруг на многие километры болота да лес непролазный, я пока не придумала. Надо бы с Феофаном посоветоваться. «Спятила? Планы строишь? — отругала себя мысленно. — У тебя один план должен быть — выбираться отсюда поскорее».

***

Отобедав, мы двинулись дальше. Мрак, получив адрес, сам выбирал путь, идя по широким улицам и сворачивая в переулки. А я рассматривала строения, попадавшиеся на нашем пути: торговые лавки, жилые дома с узорчатыми резными ставнями. И так тепло стало на душе от увиденного. Красота-то какая вокруг! «И за моей спиной высокий, надежный и красивый...» — любовалась в витринах я на своего спут-

ника.

Резкий порыв ветра сдвинул его капюшон, приоткрыв часть лица, и я вдруг увидела в отражении вместо Кощея ужасного монстра. Вместо красивого лица — череп с пустыми глазницами, которые светились красным огнем. Машинально я отшатнулась от него и чуть не соскользнула с коня. Сильные руки тут же подхватили и усадили на место, не давая мне оказаться под ногами Мрака.

— Осторожнее, — заботливо прижимая к себе, шепнул Кощей.

Его голос, ставший для меня уже привычным и каким-то родным, успокоил: позади все тот же мужчина, который не причинит вреда. А вот что у него с обликом, я обязательно выясню. Теперь понятно, зачем он капюшон натянул — не хотел пугать. Разные мысли крутились в голове: интересно, он только в отражении такой, а если снять капюшон, кого я увижу?

— Все в порядке? — словно почувствовав мое беспокойство, спросил Кощей.

Я старалась не показывать, что увидела. Ни к чему это. Но если бы он знал, о чем я размышляю. Например, сейчас думала, что странно: если он весь такой костлявый, то почему, прижимаясь к нему, я ощущаю тепло и мягкость тела, ну и местами выпуклость... Которая явно намекает на реакцию

на мою близость.

— Угу, — буркнула неразборчиво, старательно пряча улыбку.

— Тогда будь добра, прекрати елозить, отвлекаешь от дороги, — попросил Кощей, стараясь отодвинуться.

Но места для маневра было не так много, поэтому деваться от меня было некуда.

Мы миновали восточные ворота и оказались в деревне. Вот сразу, раз — и за стеной пошли деревенские улочки, на которых кипела жизнь. В отличие от городских, сельские жители спешили по своим делам. Первыми на пути попались суровые бородатые мужики с топорами.

— Дровосеки, — прокомментировал Кощей.

Следующими стали бабы в цветастых застиранных платьях, как пояснил мне мой гид, доярки спешили на поле для выпаса коров во время дневной дойки. Следом, поднимая клубы пыли, промчал на телеге, запряженной пегой лошаденкой, сухой жилистый старик, который вез туго набитые зерном мешки в сторону мельницы. И лишь чумазые мальчишки беззаботно носились по улицам, размахивая палками.

Домик премудрой сильно выделялся среди покосившихся соседских изб: черепичная крыша, васильковый цвет стен, палисадник и фруктовый сад за высоким забором. Очевид-

но, что в нем и растут те самые волшебные яблоки, про которые говорил Феофан, ну, одно из которых я понадкусывала.

— Я тебя здесь ждать стану, — махнул в сторону калитки Кощей, явно давая понять, что внутрь со мной он не собирается.

Спешившись, он аккуратно поставил меня на землю. Я же, пока была возможность, пыталась рассмотреть его лицо, но увы, ничего не получилось.

В калитку решила не стучать. Вряд ли в доме Василиса услышит, а вот в дверь забарабанила от души.

— А-а-а, приперлась! Совесть замучала, паршивка! Ну входи! — разрешили мне с той стороны.

И я вошла. Очутившись внутри, попыталась найти взглядом хозяйку, но из-за царящего беспорядка не сразу ее заметила. Мебель раскидана, стулья вверх ногами валяются у окна, на ножках как на вешалке ворох разноцветных тряпок, половики сбиты в кучу у печки… На потолке прилипли остатки еды, судя по запаху, каша и фруктовый пирог.

Сама же Василиса обнаружилась вылезающей из-под кровати. Она явно вытаскивала то, что сейчас бережно прижимала к груди книгу. Вид она имела весьма потрепанный: две косы, очевидно имевшие некогда одинаковую длину, сейчас имели разные размеры. Да, видать, драка была хорошая. Проредила прекрасная премудрой прическу. Сарафан разо-

шелся по боковому шву, и из-под длинного подола при ходьбе выглядывали полные, но весьма симпатичные ножки Василисы.

Да, стройностью она не отличалась и при невысоком росте имела весьма пышные формы, напоминающие колобок. Румяное лицо, то ли от ползания под кроватью, то ли от злости на прекрасную за трепку, нос-картошка, маленькие узкие глазки. В общем, особой красоты пока я не заметила. Одно слово — премудрая.

— Ты кто? — нелюбезно поинтересовалась Василиса, глядя на меня.

— Яга я, — ответила, уже окончательно смирившись со своей новой должностью в этом мире.

— Метла где? — недоверчиво глядя на пустые руки, спросила Василиса.

— Я на такси, — кивнула на маячившего за окном Кощея.

Василиса повернулась на мой жест и хмыкнула.

— Хороший извозчик. Чего надо? Если не заметила, то ты немного не вовремя.

Конечно, я пришла сюда за помощью. Но сейчас, узрев масштаб бедствия в доме Василисы, поняла, что навряд ли

получу совет, поэтому предложила:

— Хочешь, помогу прибраться. А за работой и поговорим?

Ведь, как всем известно, «совместный труд — он объединяет».

Глава 10

Трудились мы, не покладая рук. Помимо уже увиденного с порога беспорядка, меня поджидал «сюрприз» на кухне: куча битой посуды, скинутые на пол полотенца, печка, измазанная полосами бордового цвета. Как пояснила Василиса, это следы свекольного сока.

Да, Елена Прекрасная постаралась на славу. Что же это за крепкая ссора у девиц была?

Пока я собирала разбитые черепки с пола, Василиса, вооружившись тряпкой, пыталась придать печке первозданный вид. Но сок въелся уже довольно глубоко.

— М-да… — осознав тщетность своего занятия, она кинула тряпку на шесток и плюхнулась на табурет, подозрительно скрипнувший под тяжестью Василисы. — Теперь только белить заново. Ить, малахольная.

Повздыхав, она принялась помогать мне, и вдвоем мы быстро управились с кухней. Я получила новое задание: расставить книги на полку, причем не абы как, а строго по алфавитному порядку. А сама хозяйка жилища отправилась раскладывать вещи на место.

Пару раз я порывалась отпустить Кощея, ведь он там ждет, томится. Но Василиса не позволяла отвлекаться от работы, строго следила, чтобы мои руки всегда были заняты делом.

Мне казалось, что рано или поздно Кощей сам не выдержит и поинтересуется, скоро ли я? Но каждый раз, глядя в окно, замечала одну и ту же картину: Кощей сидел на траве перед палисадником, прислонившись к невысокому заборчику, а Мрак переминался с ноги на ногу возле хозяина.

Не знаю, сколько времени прошло после начала нашей кипучей деятельности, но только когда последняя пылинка была выметена из избы, Василиса успокоилась.

— Ну что, можно и подкрепиться? — повеселела премудрая, осматривая чистоту вокруг. — Разговоры лучше вести за столом. Садись.

Кивнув мне на широкую деревянную лавку, она направилась к печке, извлекла оттуда чугунок, приподняла крышку, и по избе поплыл густой аромат травяного настоя. Василиса повела носом:

— Готово, как знала, что пригодится. С утра укрепляющий сбор заварила.

Разлила по глиняным кружкам, чудом уцелевшим в битве, темную горячую жидкость зеленого цвета и поставила на стол.

— Прости, пирогов нет, — кивнула на потолок, где еще недавно виднелись пятна от начинки.

— Ничего, отвар так отвар, — я порадовалась, что успела отобедать у Ивана, если бы не его гостеприимство, не знаю, как бы продержалась до вечера.

Удовлетворенно кивнув, премудрая опустилась напротив меня и, подперев пухлую щеку рукой, велела:

— Рассказывай, чего хотела-то, Яга?

С чего бы начать? Решила, что лучше всего с самого начала. Получилось что-то вроде: «Люди добрые, сами мы не местные, помогите, чем можете…»

Василиса слушала молча, лишь изредка бросая задумчивые взгляды в окно на дожидавшегося там Кощея.

— Попала ты, Славка, — прокомментировала она мой рассказ, в котором я успела и поплакаться, и представиться. — Непросто тебе будет вернуться. То, что ты слова запомнила — это хорошо. Знаю я, в какой книжке обряд искать, бабка хвалилась, что способ нашла в книге древней. Вряд ли она ее с собой потащила, дома, поди, в чулане стоит. Это я тебе помогу. Поглядим, что за зелье для этого варено, собе-

рем травушку, высушим. И поминай как звали.

Я не разделяла оптимизма премудрой. Феофан говорил, что у меня нет назад хода, а у нее все так просто? О чем честно и сказала.

— Ой, да брось ты, много твой бирюк понимает, — легко отмахнулась Василиса. — Завтра на рассвете приду, будем думать.

«На рассвете? — задумалась я. — Нет, дело не в том, что я не встану так рано, а в том, что, скорее всего, окажусь не совсем дома. Предыдущие две ночи я провела в доме Кощея, и, скорее всего, так будет и завтра. И послезавтра, и после-после…»

Мысли окутал странный туман, нахлынули воспоминания о приятном пробуждении в крепких мужских объятиях. Я смотрела на то, как беззвучно шевелятся губы Василисы, совершенно не улавливая смысла сказанного.

— Так что, поможешь? — только и расслышала последнюю фразу я.

Что ей сказать? Что прослушала все, что она говорила? В своем мире так бы я и поступила. А вот в сказочном лучше держать ухо востро. Мало ли какую помощь она просила,

учитывая, что я пока Яга. Поэтому я виновато склонила голову и чистосердечно призналась:

— Прости, я задумалась и все пропустила.

— Да ешки-матрешки! — всплеснула руками Василиса. — Я тут ей душу выворачиваю, а она… Тьфу! — обиженно отвернулась к окну.

Но долго дуться не стала, за что ей большое спасибо. Повторила свой рассказ, суть которого сводилась к тому, что давний спор с Еленой Прекрасной перерос в ссору. Не могут две девицы жениха поделить — Ивана княжича. Каждая ему в жены метит.

— Ну какая из Елены княжна? — возмущалась Василиса. — Да она даже грамоте не обучена! Только и знает, что перед зеркалом весь день вертеться. По сто нарядов сменит, пока на улицу выйдет.

Она смотрела на меня, ожидая моей поддержки.

Я, конечно, кивнула, но про себя подумала, что наличие мозгов в случае супружества с высокопоставленным мужчиной не всегда обязательно. Сколько таких примеров в моем мире? Миллионы!

— То ли дело я! — произнося эти слова, Василиса распрямила плечи, задрала пухлый подбородок повыше, демон-

стрируя себя во всей красе. — Умная, пригожая, скромная, хозяйственная…

«Сам себя не похвалишь — никто не похвалит», — усмехнулась я про себя. Вслух же спросила:

— И что ты предлагаешь? Зелье приворотное? — единственное, что пришло мне в голову при виде такой красоты.

— С ума сошла? — отшатнулась премудрая. — Зачем мне муж безвольный нужен будет? Не-е-ет, мне надо, чтобы Иван сам полюбил, добровольно!

По-моему, миссия невыполнима. Учитывая, что Иван во все глаза глядит на меня, развернуть его взор на Василису… Я даже не знаю, с чем это сравнить.

— А если не сможешь, ежели на Еленке женится, то я, то я... И помогать тебе не стану! Вот! — припечатала сверху премудрая, видя мои сомнения.

Пришлось соглашаться. А что мне еще оставалось?

— С чего начнем? — поинтересовалась Василиса, заставляя меня задуматься.

А и правда, с чего? Может, дело им общее поручить, что-

бы общались подольше, да никто не смел мешать.

— Когда знакомить нас собираешься? — вырвала меня из раздумий Василиса.

— Вы что, еще не знакомы?! — почему-то такая мысль мне в голову не могла прийти.

Девица пожала плечами, мол, что тут такого? И у меня возник план, правда, для его реализации мне потребуется немного времени и помощь друга.

Мы еще немного поболтали с Василисой. Я поинтересовалась, почему она не воспользовалась самобранкой? Оказалось, что таких удобных девайсов всего два — у Яги и Кощея. Одежду здесь все шьют сами, а кто побогаче, тот к Марье искуснице обращается.

Яблочком волшебным, которое я понадкусывала, Василиса по осени с удовольствием поделится, придется подождать. Продукты на базаре берут, но можно и с кем-то из местных сговориться, и те с удовольствием продадут.

«Это, конечно, здорово, вот только денег у меня нет. Надо бы заработать хоть пару монет», — с такими мыслями я покидала Василису, договорившись завтра встретиться.

Правда, время с рассвета на полдень подвинула. Мне еще успеть вернуться надо.

Приблизившись к Кощею, я обнаружила, что он спит, откинув голову назад. Капюшон сполз, и я беспрепятственно смогла его рассмотреть. Никакого чудовища, лишь уже хорошо знакомый мне черноволосый красивый мужчина. Во сне его черты стали мягче, и мне нестерпимо захотелось коснуться его, что я и сделала. Легонько положила ладонь на щеку и провела большим пальцем по колючей щетине. От прикосновения Кощей заворочался и распахнул глаза. Он на мгновение застыл, пытаясь понять, кто нарушил его покой. Его глубокие и темные глаза словно смотрели прямо на меня, и я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Он медленно улыбнулся, едва заметно, но эта улыбка была наполнена горечью.

— Ты не боишься? — скорее констатировал он, чем спросил.

Покачала головой, ощущая, как сердце бьется все быстрее. Кощей склонил голову набок, раздумывая о чем-то.

Я же, убрав руку, отвернулась, чтобы не выдать своего волнения, симпатии и вообще. Достаточно и того, что мы теперь каждое утро обнимаемся.

***

Обратная дорога мне показалась быстрой. Мрак, поняв,

что я уже не опасаюсь, двигался на порядок быстрее. Доставив меня до дома, Кощей, не оглядываясь, умчал прочь. А я, проводив его взглядом, поплелась к избе.

Микоша, как и обещала, сидела на травке перед избой. А на крыльце с веником в руках караулил Феофан. Увидев меня, обрадовался, грозно зыркнул на домовуху и принялся жаловаться. Правда, сперва по обыкновению отругал.

— А-а-а, явилась, свербигузка! Где ж это видано, что Яги дома нет?! Пока ты шлындаешь незнамо где, гляди-ка, что делается! Ходют и ходют всякие! Ы-ы-ы! — Феофан замахнулся веником на Микошу, явно давая понять, что он не рад ее визиту и пускать не намерен.

— Остынь, Феня, — сократила я полное имя домового. — Это я ее пригласила, поживет пока у нас.

— А?… О… Ы!… — только и смог вымолвить домовой, и, раздосадованно кинув веник себе под ноги, скрылся в избе.

— Микоша, добро пожаловать в твой новый дом, — произнесла я, распахивая двери. — Располагайся.

— На печь не пущу! — прокричал недовольный Феофан,

очевидно, подслушивающий нас.

***

Весь вечер Микоша ходила по дому, бурча что-то себе под нос. Феофанушка наблюдал за ней через щель занавески, лежа на печке. Чую, устроит мне эта парочка веселую жизнь. Ничего, стерпится — слюбится, ну в смысле, подружится.

Когда там меня водяной на встречу звал? На зорьке вечерней? Значит, пора выдвигаться, как раз солнышко к закату близится. С пустыми руками идти неудобно. Но и скатерку просить означало объедать местное население.

Решила, что пока не наладила поставки местных продуктов, делать заказ из своего мира. Ну что-то такое, что точно только в супермаркете купить можно. Наколдовала, в смысле, заказала, сосиски и макароны. Велела Микоше приготовить. Феофанушка наотрез отказался, да еще и обиделся, что скатерку я спрятала. Ворчал, что тысячу лет не гремел чугунками и вообще не мужицкое это дело — похлебки варить. Две бабы в доме, вот пускай сами и возятся.

Микоша не была избалована волшебными предметами, она готовила по старинке, на нее вся надежда.

— Так, я ушла, ведите себя хорошо, — перед уходом наказала обоим домовым. Микоша, проводившая на кухне ревизию утвари, высунулась в дверной проем.

— А ты куда на ночь глядя собралась? — словно строгая бабушка поинтересовалась она, и так зыркнула, что я на мгновение почувствовала себя маленькой.

Но потом взяла себя в руки. Я взрослая уже. И потом, кто в доме хозяин?

— По делу важному. Утром вернусь, — не вдаваясь в подробности, ответила я.

Микоша что-то прикинула, видимо, то, что она придумала, ей не понравилось.

— Я те дам утром! — закинув полотенце, которое держала в руках на плечо, старушка засеменила к дверям и, раскинув руки крестом, заявила, — Не пущу!

Феофан проявил удивительную солидарность. Сдвинув край занавески, он свесился с лежанки.

— Не одобряю, куда на ночь глядя. Ну утром-то понятно, — посмотрел он на удивленную Микошу с превосходством, в отличие от нее, он прекрасно знал о моих ночных перемещениях. — А вечерить куда побегла?

— Водяной позвал, — пришлось признаваться. — Обещал подарок ценный. Кстати, ты не знаешь, что Яга у него

просила, да он отказал?

Домовой довольно сверкнул глазами, ясно поняв, о чем речь.

— Иди, девонька, иди, — милостиво разрешил он, задергивая занавеску обратно.

— Микоша, очень надо, утром все расскажу, — отодвинув упирающуюся домовуху, я юркнула за порог.

Глава 11

Пока бежала сквозь лес к озеру, окончательно стемнело. Я боялась заблудиться, но внутри словно включился навигатор и каким-то чудесным образом подсказывал, куда нужно свернуть. Сто раз пожалела, что не взяла с собой путеводный клубочек, с ним было бы спокойнее. Еще на подходе сквозь деревья я рассмотрела костер на берегу. Значит, ждет меня владыка. Ускорив шаг, через пару минут я уже оказалась возле огня.

Водяной при моем приближении поднялся и, пока я не опустилась на траву, так и стоял. Ну чисто джентльмен. В отличие от предыдущей встречи, одет он был иначе, более нарядно, что ли. Светлые одежды с руническими символами оттеняли его специфический цвет кожи, подчеркивая благородство происхождения. «Голубых кровей дедушка, не иначе», — улыбнулась я своим мыслям, глядя на синеву кожных покровов.

— Думал, не придешь, — заговорил первым владыка. — Солнышко уж давно за горизонт закатилось.

— Прости, день выдался длинный, опоздала немного. Спасибо, что дождался.

Водяной кивнул, принимая извинения. А я вынула из кармана принесенное с собой угощение. Поискала вокруг подходящую палочку и, нанизав на нее, как на шампур, сосиски,

принялась жарить их на огне. Водяной с любопытством глядел на мои действия. А когда учуял аппетитный запах, одобрительно покивал.

— Итак, — пока еда готовится, я решила не терять времени и приступить к допросу, в смысле к расспросу.

Потому что кто его знает, в какой момент меня перекинет к Кощею? Или для этого уснуть нужно, и у меня есть шанс побеседовать нормально, а уж потом свершится колдовство?

— Зачем хотел утопить меня?

Этот вопрос волновал сильнее остальных. На что Водяной изумленно вскинул брови.

— Так порядок такой, озеро-то девичье, — словно это должно было все объяснить.

Видя мое растерянное лицо, он хлопнул себя ладонью по лбу:

— Запамятовал, не местная ты. В этом озере испокон веков девки топились, те, кому жизнь не мила стала. Ну я им и помогал как мог. Работа у меня такая, не со зла я. До тебя никому в голову не приходило в той водице купаться, — видя, что я хмурюсь, оправдывался владыка. — Думаешь, мне дурех не жалко? А что поделать? Увидел новую девицу и хвать ее за ногу, чтоб не мучилась горемычная долго, — ловко сжал воздух в мощный кулак владыка, демонстрируя, как все происходит.

— Бр-р-р, давай без подробностей, — на ночь глядя не хотелось ужастиков. При моем богатом воображении я ж не

усну.

— Прости, не хотел пугать, — Водяной тут же поспешил сменить тему.

Он пошарил рукой в кармане и выудил небольшой пузатый флакон из темного стекла. Протянул его мне:

— Держи, это тебе, как обещал.

Я потрясла подарком перед носом, прислушалась. По звуку — что-то плещется. На всякий случай принюхалась, но то ли жидкость не имела запаха, то ли через плотную крышку он не проходил, я ничего не почувствовала.

— А что внутри? — полюбопытствовала я у Водяного.

— Живая водица, — гордо расправив плечи, пояснил владыка.

«Вот уж поистине королевский подарок!» — порадовалась я.

И тут же вспомнила, что Яга безрезультатно выпрашивала именно это. Не иначе как молодость вернуть хотела? Так и спросила у владыки, вызывая его смех. Низкий, бархатный, похожий на рокот водопада.

— Нет, водица тут не помощник. Голый камень поливать бабке надо было.

— Голый? Можно подумать, одетые бывают, — фыркнула я, подозревая, что мой собеседник надо мной потешается.

«Камни поливать... Может, не голые, а в голом виде? Бр-р-р, — потрясла головой. — Ну и мысли дурацкие в голове».

— В чаще лесной камень огромный, что Голым зовется,

раз в тысячу лет на нем горецвет вырастает, цветок волшебный. Исполняет самое заветное желание. Если камушек тот живой водицей поливать, то можно вырастить раньше, чем через тысячу лет. Вот бабка и не желала ждать. Да только не получилось. Не дал я ей водицы волшебной.

— А как же папоротник на Купалу? Неужели бабка не пыталась? Не может быть.

— Охохонюшки хо-хо, — вздохнул владыка, поглаживая бороду. — Цвет тот найти можно только с чистой душой, а Яга насквозь тьмой пропиталась. Не для нее это путь, девонька.

Водяной замолчал, поглядывая на огонь. А я, обдумывая услышанное, сняла с огня готовые сосиски, стащила с палки для себя одну и остальные протянула своему новому знакомому. Тот осторожно откусил маленький кусочек, пожевал, а потом, довольно улыбнувшись, засунул в рот сразу две штуки.

— М-м-м, что это? Угощение заморское? — поинтересовался он с набитым ртом.

Ясно, что такого в сказочном мире никто не пробовал, и владыка не исключение.

— Угу, икра заморская, баклажанная, — пробурчала я, кусая свою порцию. — И все равно я не понимаю, — после того как еда закончилась, задала я вопрос, не особо надеясь на ответ. — Я-то при чем? Сбежала Яга и сбежала. Что я здесь делаю?

— Равновесие. Слыхала про такое? — ответил владыка. — Кто-то же должен людей за Смородину провожать, коли потребуется, отвары да зелья готовить, хвори лечить, ведать, в конце концов.

— Я? — искренне изумилась его ответу. — Да я максимум, на что способна, отличить ромашку от мяты, какие травки? Какие отвары? Я же потравлю всех!

— Да? — хитро прищурился дед, не глядя нащупал какую-то былинку и ткнул мне в нос. — Что это?

— Тимофеевка, — ответила я, не задумываясь, и открыла рот от изумления. — Совпадение. А ну, давай еще! — велела я.

И в следующие пять минут легко опознала: белоножицу, дурман-траву, вороний глаз, золотницу и даже приворотную травку со смешным названием черноус ползучий. Причем так вошла во вкус, что требовала продолжить эксперимент. Стоя на четвереньках, пыталась рассмотреть в темноте еще растения, которые не показывал владыка.

— Так вкруг озера не растет больше ничего, — оправдывался Водяной, разводя руками. — Убедилась теперь, что не зря ты заместо Яги, ведьмовская кровь в тебе.

От неожиданности я плюхнулась на попу, сильно приложившись о твердую землю. «Синяк теперь будет, надо чертополоху набрать», — и в голове тут же возник рецепт.

— Ой, — потерев ушибленное место, воскликнула я.

А Водяной пожал плечами:

— Подумаешь, ведьма, с кем не бывает.

А я вдруг вспомнила свою бабулю. То, как она собирает травы, ее знания и умения. А еще зеленые глаза, как у меня, и рыжие в молодости волосы. Все знакомые удивлялись, как я на бабушку похожа. Это что же, от нее передалось?

— Информация хороша в меру, — видя мою задумчивость, промолвил Водяной.

И дальше забавлял меня шутками, смешными историями и курьезами из своей долгой жизни. Незаметно я расслабилась. На то, что я теперь не совсем я, то есть я и есть я, но кое-что новое о себе узнала, махнула рукой. Ведь главное не то, как ты называешься и какими знаниями обладаешь, а как ими распоряжаешься.

Я твердо решила, что все только во благо, никаких злодеяний. То есть детей на лопате в печь сажать не стану, зелий приворотных и ядов варивать не буду. Точка. А все остальное — пожалуйста.

Закончив очередную байку и дождавшись, пока я отсмеюсь, Водяной вдруг спросил:

— А что, с Иваном у вас серьезно али так?

Я аж воздухом подавилась. М-да, быстро в деревне слухи разлетаются. На одном конце чихнули, на другом «будь здоров» кричат. Это он еще про Кощея не знает, надеюсь.

— А причем тут Иван-то?

— Так ты девка видная, долго женихаться не станешь, посватают, — причем глядит так серьезно, вижу, что не шутит.

Какое «посватают»? Я тут временно и вообще…

— Коли ты не против, посаженым отцом тебе буду, это на свадьбе первое дело. Ну опосля жениха с невестой, конечно. Ежели что, вступлюсь, мало ли муж поколотит. Али еще какая беда приключится.

— Чего?! Поколотит? — от возмущения я даже подскочила с травы.

— Ты не серчай, коли я чего не то говорю, — продолжил владыка. — Жизнь она всяко повернуть может. Так что подумай. Эх, староват я, а то бы сам приударил! — воскликнул он, залихватски закрутив усы.

— Ой, ну тебя к лешему! — рассмеялась я, и в тот же момент водяной схлопнулся.

Вот р-р-раз — и исчез.

Я растерянно заозиралась, выискивая своего собеседника. Куда пропал? Что это за шутки такие? Убедившись, что в поле зрения его нет, на всякий случай даже позвала. Но увы, лишь потревоженные криком птицы взметнулись с верхушек деревьев.

— Что за ерунда? — уселась я к огню, размышляя, что мне теперь делать.

Не обратно же идти на ночь глядя, тем более, что проснусь я уже знаю где. Вздохнув, подкинула в огонь хвороста, чтобы не замерзнуть, и свернулась калачиком прямо у костра.

Проснулась от того, что все тело затекло, мне жарко и очень неудобно. А еще кто-то громко храпел. Не в ухо, слава

богу, но тоже мало приятного.

Разлепив кое-как веки, я обнаружила, что с головой накрыта шкурой какого-то животного, а сверху надежно придавлена чьим-то телом. Я ни разу не сомневалась, чьим. Пошевелилась, заставляя сползти с меня своего «соседа» по койке, и высунула голову на белый свет. Ну что сказать? Место мне незнакомо.

Это явно не Кощеев терем, хотя вот он, красавчик, спит рядом, повернувшись ко мне спиной.

«И никаких ставших привычными утренних процедур с обнимашками», — почему-то расстроилась я, осматриваясь.

Напротив кровати стоял массивный деревянный стол, за которым, уронив голову на руки, дрыхли два мужика. Одного я узнала сразу же — водяной. Его синий цвет кожи не оставлял сомнений, что это он, да и одежда та самая, в которой он со мной на берегу беседовал. А вот его товарищ мне не знаком. Сухонький, лохматый мужичонка в болотного цвета рубахе. Его я еще не встречала. На столешнице — остатки вчерашнего пиршества.

Помимо пустых бутылей и стаканов — блюдо с зажаренным кабаном. Ну, точнее, с тем, что от него осталось.

«Ой, ну тебя к лешему!» — вспомнила я последние слова, которые успела произнести владыке. Это получается что? Я отправила владыку вчера в домик лешего? И мы сейчас в домике хозяина леса? Точно! Это же к нему ворона Кощей отправлял, баньку заказывал. «Банька! — порадовалась я. —

Можно привести себя в порядок».

Стараясь не разбудить никого из присутствующих, я стащила с лавки плащ Кощея. Вытянуть из-под него простынь у меня бы не хватило сил, а идея щеголять в обнаженном виде мне не нравилась. «Дома надо ночевать, а не по чужим домам шляться, — ворчливо подумала я. — Интересно, а если он к Маре намылится, я третьей утром проснусь? Фу, гадость какая!» — скривилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.